

На правах рукописи

Владимир Николаевич Гузаров

**Репрессивная политика РКП(б) в отношении
церковных организаций Томской губернии
в 1920-1925 гг.**

Томск 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. Закрытие храмов	7
2. Гонения на служителей культа	22
3. Изъятие церковных ценностей	37
4. Суд над священниками	60
5. Антирелигиозная пропаганда	67
6. Движение обновленцев	77
Заключение	85

Введение

Для современного периода отечественной истории характерно возрастание роли церковных организаций в жизни общества. На смену воинствующему атеизму приходит пропаганда религиозных убеждений. Служители культа активно выступают в средствах массовой информации с целью увеличить число верующих и воцерковленных. Законодательство наказывает за оскорбление чувств верующих. Столь быстрое изменение системы нравственных приоритетов породило массу противоречий. Конституция Российской Федерации гарантирует светский характер нашего государства. Однако нормативные документы правительства санкционировали исполнение религиозных обрядов в армии и местах заключения. В школах разрешено преподавание основ мировых религий.

Для нашей страны характерна многоконфессиональность при ведущей роли Русской Православной Церкви (РПЦ). В большинстве субъектов РФ органы местного самоуправления поддерживают РПЦ. Понимание ведущей роли православия в РФ весьма неопределенно и может трактоваться как доминирование по отношению к другим религиям. Неудивительно, что данные о численности православных и иных верующих в России весьма противоречивы. Отношения государства к конфессиям, действующим на территории РФ, изменчиво и колеблется в пределах от хорошего до негативного. Правительство поощряет строительство православных храмов, передачу памятников архитектуры и искусства РПЦ. Сторонники светского государства обеспокоены возможной клерикализацией страны и превращением православия в государственную религию. Православные активисты участвуют в политических акциях на стороне определенных партий и движений. Возрастание роли церковных организаций противоречит республиканским традициям и способствует возможной утрате светского характера нашего государства.

Не стоит забывать о межконфессиональных противоречиях на территории России. Мусульмане недовольны запретом на издание своей богословской

литературы, а католики и протестанты выступают против запретов на проведение религиозных мероприятий, лишение их организаций аренды и регистрации. Свобода вероисповедания не исключает запрета государством отдельных церковных организаций, которые фактически выступают в роли иностранных агентов, тоталитарных общин, связанных с терроризмом. В основе нынешнего конфликта РПЦ и Православной церкви Украины лежат не столько канонические, сколько иные разногласия.

В настоящее время в РФ по-прежнему остаются нерешенными некоторые церковные проблемы, возникшие еще в советский период отечественной истории. Главная из них – это фактическое отделение государства от церкви. Актуальной остается проблема равенства возможностей деятельности всех конфессий. Какие-либо преимущества, декларированные государством одним конфессиям, означают ограничения для других. Это не способствует консолидации общества. Предстоит большая работа органов центральной и местной власти по согласованию государственных, общественных и конфессиональных интересов с целью избежать раскола россиян на враждующие партии.

В начале XX века коммунисты пытались решить подобные задачи, действуя преимущественно силовыми методами и грубой пропагандой. Закрывались домовые церкви и монастыри, изымались церковные ценности, преследовались служители культов. Декларированного отделения церкви от государства не получилось. Подобная политика имела далеко идущие негативные последствия и повторение ее в XXI веке опасно. Советский опыт взаимодействия государства и церкви представляет несомненный интерес. Изучение его будет полезно для анализа современных проблем.

Репрессивная политика советского государства против церковных организаций остается недостаточно изученной. Если применительно к центру страны можно указать ряд монографий данной тематики, то относительно регионов публикаций гораздо меньше. Данная оценка полностью относится к Сибири в целом и к Томской губернии в частности. Советские историки

руководствовались ленинскими оценками церкви как реакционной монархической организации, безусловно, одобряли репрессии против служителей культа, не признававших новую власть. Публикация Л.И. Боженко и Е.М. Хенкина типична для того времени¹. Аналогичную позицию занимал И.Д. Эйнгорн, писавший о широкой народной поддержке конфискации церковного имущества². Исследования иной методологической направленности считались в СССР буржуазной фальсификацией.

Распад КПСС, рассекречивание части архивных документов, в том числе и ленинских, обозначило новый этап в изучении проблемы. Н.М. Дмитриенко впервые осветила судебный процесс 1922 г. над православными священниками Томска³. Несомненный интерес представляет публикация о служителях РПЦ Томской губернии пострадавших от репрессий⁴. Н.П. Коголь показала, что репрессивная политика властей в отношении РПЦ в Сибири полностью копировала тактику центральных губерний страны⁵.

Издание первого⁶ и второго⁷ томов сборника «Из истории земли томской», существенно расширило круг источников, доступных исследователям. Эта важная работа была выполнена совместными усилиями А.А. Бондаренко, В.А. Демешкина, Е.Н. Косых, Н.С. Ларькова, Б.П. Тренина и А.В. Большаковой. В 2003 г. опубликована хроника важнейших томских событий, составленная Н.М. Дмитриенко⁸. Названные публикации создали необходимую основу для дальнейшего изучения проблемы. К настоящему времени остается не раскрытой, прежде всего, роль подлинного организатора

¹ Боженко Л.И., Хенкин Е.М. Из истории классовой борьбы в начале нэпа // Вопросы истории Сибири. Вып.3. – Томск, 1967. С. 225-240.

² Эйнгорн И.Д. Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917-1937 гг.). – Томск, Изд-во Томск. ун-та, 1982. – 223 с.

³ Дмитриенко Н.М. «Дело томских церковников» 1922 г. // Социально-политическое развитие Сибири (XIX-XX вв.). – Томск, изд-во Томск. ун-та, 1993. С.71-78.

⁴ С.А. Исаков С.А., Дмитриенко Н.М. Томские архиереи: Биографический словарь. 1834-2002. – Томск, изд-во Томск. ун-та. 2002.

⁵ Коголь Т.Н. Русская православная церковь и государство. 1917-1927 гг. (На материалах Западной Сибири). Автореф. дисс. канд. ист. наук.– Томск, 1996. -19 с.

⁶ Из истории земли томской. 1917-1921. Народ и власть. Сборник документов и материалов. – Томск, 1997. - 344 с.

⁷ Из истории земли томской. 1921-1924. Народ и власть. Сборник документов и материалов. – Томск, 2000. - 445 с.

⁸ Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII-XX столетиях. –Томск, 2003. - 345 с.

репрессивной политики против всех конфессий – губернского комитета Российской коммунистической партии большевиков (РКП(б)). Данный текст является попыткой восполнить этот пробел.

1. Закрытие храмов

Удержание советской власти было невозможно без подчинения населения коммунистической идеологии. Однако миллионы россиян традиционно разделяли ценности мировых религий и не признавали идеалов коммунизма. Новая власть пыталась поэтапно уничтожить религию и заменить веру в Бога надеждой на достижение в будущем коммунистических идеалов. Большевики видели в церкви, прежде всего, неподконтрольную им централизованную организацию, объединявшую миллионы верующих. Советская власть рассматривала борьбу против церкви как составную часть Гражданской войны.

Владимир Ильич Ленин известен как принципиальный противник религии. Вождь партии и государства определял служителей культа как монархическую силу, подлежащую уничтожению ради светлого будущего пролетариев. В.И. Ленин считал основным средством борьбы с религией конфискацию церковной собственности. Эту идею глава правительства реализовал в январе 1918 г. в декрете об отделении церкви от государства. Коммунисты лишили церковь права собственности. Церковное имущество стало государственным, доверенным верующим во временное пользование. Свободное исполнение религиозных обрядов разрешалось постольку, поскольку оно не нарушало общественного порядка, установленного коммунистами – врагами церкви. Местные власти получили право запрещать массовые мероприятия верующих⁹. В августе 1918 г. Народный комиссариат юстиции принял инструкцию о порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства. Этот документ еще более ужесточал требования власти к церкви. Предусматривалось полное изъятие у религиозных обществ не богослужебного имущества. Позднее, в октябре 1922 г. в Кремле была создана «Комиссия по проведению отделения церкви от государства». С января 1923 г. ее возглавил коммунист Е.М. Ярославский¹⁰.

⁹ Русская Православная церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. – М.:1996. С. 29.

¹⁰ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Вече, Лепта, 2010. С. 81,98.

Установление советской власти в губернии сопровождалось активным наступлением на РПЦ. В 1920 г. на территории губернии сохранялось военное положение. В Томске размещались многочисленные военные части и школы Красной армии, что позволяло революционному комитету действовать решительно. Уже в марте 1920 г. реквизиция коснулась многих зданий РПЦ Томска: духовной семинарии, епархиального женского училища, духовного училища, духовной консистории, большей части архиерейского дома¹¹. Управлявший епархией митрополит Иаков был лишен мало-мальски сносного помещения, а Епархиальный совет буквально выставили на улицу. Еще в феврале 1920 г. ревком конфисковал епархиальную типографию и передал оборудование в Дом П.И. Макушина¹². В марте 1920 г. здание Хоральной синагоги было отчуждено от верующих постановлением губернского революционного комитета. Тем не менее, община продолжала отправлять религиозные обряды в синагоге на основе какого-то договора с местными властями¹³. В апреле 1920 г. губернский ревком провел обмер всех храмов, мечетей и синагог Томска. Оказалось, что общая площадь храмов Томска составила 2 263,3 кв. метра. Однако ревком не решился немедленно закрыть все культовые сооружения, учитывая высокую посещаемость их прихожанами. Достижение этой цели переносилось на более поздний период. Ревком признал: «В утилизации церквей для общепольных целей пока не встречается надобностей»¹⁴. В мае 1920 г. общее собрание Нарымской организации РКП(б) постановило ускорить разбор на кирпичи здания православного собора. Коммунисты опасались, что река подмывает берег и уничтожит ценный строительный материал¹⁵.

С весны 1920 г. губернский ревком начал кампанию закрытия домовых церквей. Первой под удар попала Крестовоздвиженская церковь, которая

¹¹ Бывшей усадьбы А.Д. Асташева.

¹² Из истории земли томской. 1917-1921. Народ и власть. Сборник документов и материалов. Томск, 1997. С.70-71.

¹³ Кижнер Д.М. История возникновения синагог Томска // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. Томск, 2000. С. 15.

¹⁴ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.Р.-202. Оп.1. Д.2. Л.106.

¹⁵ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф.1. Оп.1. Д.318. Л.6.

составляла единый ансамбль с так называемым Архиерейским домом. Обследование здания выявило расхищение старинной мебели и картин военными инженерами 5-й Красной армии¹⁶. В мае 1920 г. ревком закрыл Крестовоздвиженскую церковь, насчитывавшую до 700 прихожан. Уполномоченные ревкома переписали храмовое имущество весьма небрежно: количество серебряных вещей указали не точно, а вес вообще не зафиксировали. В сентябре 1920 г. совет религиозной общины второй раз обратился к ревкому с просьбой не закрывать церковь и приложил при этом многочисленные подписи верующих¹⁷.

Однако резиденцию архиерея заняли служащие губернского отдела народного образования. В начале 1921 г. на это же здание и домовую церковь заявил свои претензии музей. В марте 1921 г. городской архитектор и представитель губернской юстиции подтвердили, что это не домовая, а отдельная церковь. Такой вердикт не давал юридических оснований для закрытия. Кроме того, архитектор предупреждал, что приспособление церкви под советское учреждение потребует больших затрат. Власть отвергла эти доводы и в марте 1922 г. открыла в Архиерейском доме губернский музей¹⁸. В ноябре 1922 г. губернский исполком Совета трижды обсуждал вопрос о судьбе Крестовоздвиженской церкви. Была создана специальная комиссия в составе: С.С. Тизанова – заведовавшего губерnskим отделом народного образования, представителя Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) Мосунова Трофима Ивановича и юриста Лурье. 19 ноября 1922 г. губисполком постановил закрыть церковь как домовую. На следующий день принятое решение одобрили: Кулябко от РКИ, Горбовец – от губернского комитета по борьбе с последствиями голода 1921 г. (Губпоследгол) и Константин Федорович Гроднер¹⁹ – от губкома РКП(б). Итак, в ноябре 1922 г. резиденция архиерея и

¹⁶ ГАТО. Ф.Р-53. Оп.1. Д.224. Л.56.

¹⁷ ГАТО. Ф.Р-202. Оп.1. Д.208. Л.5-14.

¹⁸ Дмитриенко Н.М. День за днем... С.187.

¹⁹ Гроднер Константин Федорович (1885-1938) родился в городе Ельце. С 1906 г. участвовал в нелегальной работе, три года провел в царской тюрьме. В 1917 г. возглавлял большевистский комитет в Ельце, а в 1921-1923 гг. – Дмитриевский уком РКП(б) Орловской губернии. С августа 1923 г. – инструктор Томского губкома, а с сентября 1923 г. – секретарь Анжеро-Судженского райкома РКП(б). Делегат XIII съезда РКП(б) от

его домашняя церковь были окончательно закрыты. Здание в центре города передали Дому просвещения. Заведующий губернским политпросветом И.М. Видягин разделил конфискованное имущество между губернской комиссией по ликвидации последствий голода, Домом просвещения и правлением Сибцеркви. Через некоторое время губернский исполком постановил выделить 15% конфискованного имущества для нужд Красной армии. Колокола достались комиссии по ликвидации последствий голода²⁰.

В 1920 г. губернский революционный комитет закрыл храм Александра Невского и разрушил его купола. В здании разместили Дом принудительных работ №2²¹. В апреле 1920 г. революционный комитет предпринял первую попытку закрыть церковь при окружной психиатрической лечебнице. Врачи учреждения обратились к ревкому с просьбой не закрывать храм, так как его посещали около двух тысяч жителей поселка и 1050 душевно больных. Медики объясняли комиссарам: «В этом случае церковь и молитва в ней являются лечебным, психотерапевтическим приемом по отношению к душевно больным. С закрытием храма порывается та связь, которая существует между палатами душевно больных и средой душевно здоровых»²². Церковь была нужна не только больным, но и служащим лечебницы, «работавшим в кошмарной среде». К апрелю 1920 г. 109 служащих лечебницы поставили свои подписи за сохранение церкви: Левчук Тимофей Емельянович, Ткачев Кузьма Иванович, Кулаков Афанасий Иванович, Павловская Елена, Мусина Евгения и другие. 7 мая 1920 г. Сумецкий Михаил Ильич от имени Томского уездного ревкома согласился с доводами врачей психиатрической лечебницы и разрешил в виде исключения возобновить церковные службы в храме. Однако окончательное решение вопроса передавалось на усмотрение губернского революционного комитета.

Томской организации. В июне 1924 г. получил разрешение ЦК РКП оставить Томскую организацию. В 1930 г. работал на Ленинградском телефонном заводе. В 1933-1927 гг. был директором строившегося завода во Владимире. Расстрелян.

²⁰ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.75. Л.247-249.

²¹ Безруков О. Православные храмы Томска. – Томск, 2005. С. 102-103.

²² ГАТО. Ф.Р-173. Оп. 1. Д. 1169. Л. 2.

В мае 1920 г. Сибирский отдел здравоохранения просил губернский революционный комитет (губревком) не закрывать церковь в психобольнице. На все просьбы ревком отвечал отказом, ссылаясь на закон об отделении церкви от государства. В ноябре 1920 г. исполнительный комитет губернского Совета (губисполком) окончательно закрыл домовую церковь при Томской психиатрической лечебнице. Инициатором акции выступил политический комиссар учреждения Иван Степанович Пляпис. В 1921 г. он занимал должность секретаря второго райкома РКП(б) Томска. Верующие могли молиться в часовне, однако в апреле 1922 г. и она была также закрыта.

10 мая 1920 г. ревком постановил закрыть домовую церковь университета. Ректор университета А.П. Поспелов просил сохранить церковь, но ревком отказал. В апреле 1920 г. 60 верующих Пантелеймоновской домовой церкви просили ревком не лишать больных факультетских клиник университета возможности совершать церковные обряды. Через два дня аналогичное заявление поступило в ревком от коллектива клинического госпиталя университета²³. Однако революционный комитет закрыл церковь. В описи ее имущества, составленной 27 апреля 1920 г., перечислены 94 предмета, в том числе два серебряных креста по 60 рублей, серебряное кадило и прочие серебряные вещи на сумму 25 рублей²⁴. В июле 1920 г. 77 пациентов факультетских клиник подписали очередное обращение к властям в защиту домовой церкви. Их просьбу не услышали.

В июне 1920 г. президиум Томского городского Совета узаконил закрытие девяти домовых церквей: госпиталя №9, 1- и 2-й мужских гимназий, факультетских клиник университета и прочих²⁵. Через месяц губернский отдел юстиции признал, что эта работа не закончена. В июле 1920 г. губернский ревком рекомендовал местным Советам «озаботиться изъятием из закрытых домовых церквей всех, как внутренних, так и наружных металлических

²³ ГАТО. ФР-53. Оп.1. Д.187. Л.1-2.

²⁴ ГАТО. ФР-53. Оп.1. Д.187. Л.2.

²⁵ Дмитриенко Н.М. День за днем... С.180-181.

изделий»²⁶. Степень полезности данной рекомендации сомнительна, поскольку домовые церкви имели минимум металлических изделий. Заводской комитет центральной электрической станции Томска не одобрил изъятие металла из церквей.

Ликвидацию домовой церкви Владимирского детского приюта не удалось завершить быстро. Только в октябре 1920 г. ревком распорядился закрыть церковь и составить новую опись церковного имущества. Сверка описей выявила пропажу 26 богослужебных книг, серебряного кадила, серебряного ковчега. Все описанные вещи вывезли на склад. Из церкви также забрали ковры, подсвечники, рукомойник, металлический ковшик. Имущество закрытых церквей свозилось на склады, откуда оно распределялось по заявкам советских учреждений. В декабре 1921 г. отдел управления губисполкома распорядился выдать тюремному театру 30 риз для пошива различных костюмов²⁷.

Монастыри представляли собой замкнутые, вполне обеспеченные корпорации. Так называемое «черное» духовенство отличалось от «белого» большим консерватизмом в вопросах веры. Советская власть считала монахов опасными врагами. В июне 1920 г. президиум Томского городского Совета принял постановление о закрытии мужского и женского монастырей. Данное решение объяснялось отсутствием желающих взять на себя содержание монастырей и охрану их имущества²⁸. В начале 1920 г. коммунисты закрыли Богородице-Алексеевский мужской монастырь и на его площадях разместили военный госпиталь. Изгнанные из города монахи ушли на монастырскую заимку в районе села Белобородово. В июле 1920 г. губернский ревком национализировал заимку и ликвидировал сельскохозяйственную артель монахов «Трудовое братство». Через неделю бывших служителей культа приписали к совхозу. Имущество монастыря передали приходской общине не по описи, а «по наличности». Часть церковных вещей раздали верующим

²⁶ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.44а. Л.62.

²⁷ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.290. Л.282.

²⁸ ГАТО. Ф.Р.-430. Оп.1 Д.1. Л.21.

Батурино, Щегловска и Кольчугино. В феврале 1920 г. на территории бывшего монастыря организовалась приходская община, которая заявила о наличии 362 прихожан. Новая община претендовала на всю территорию монастыря. Ревком с этим не согласился и отдал часть площадей для беженцев от голода из центральных районов страны. В сентябре 1924 г. отдел управления губисполкома зарегистрировал на территории бывшего мужского монастыря новую общину мирян, состоявшую в основном из женщин. В июне 1925 г. в число прихожан были записаны: Чиркова Вера Ильинишна, Васильева Екатерина Степановна, Потанина Александра Николаевна и другие. Таким образом, губернская власть заменила монашеские общины мирскими, что несомненно ослабило позиции РПЦ.

Женский Иоанно-Предтеченский монастырь располагался на Верхней Елани, а заимка – в Предтеченске. В начале 1920 г. монастырская Успенская церковь была передана группе верующих во главе с бывшей настоятельницей А.Г. Некрасовой²⁹. Однако уже в мае 1920 г. церковь и бывшие монастырские здания ревком отдал губернскому отделу здравоохранения и детской колонии³⁰. В августе 1920 г. сотрудники ЧК произвели обыск в бывшем монастыре, забрали копировальный пресс и старые облигации. Через две недели чекисты вновь приехали в монастырь и описали его имущество. Сотрудники спецслужбы увезли в город, в здание губернской ЧК, 3 стола и 8 стульев. В феврале 1921 г. Томский уездный отдел профессионального образования взял из кладовой женского монастыря, с разрешения губернского реквизиционного комитета, еще четыре письменных стола. Бывшие монахини организовали сельскохозяйственную артель, а зимой занимались в Томске шитьем в доме по улице Торговой №25. Однако местная власть реквизировала у них 7 швейных машин³¹. В марте 1921 г. агент губернского транспортного отдела забрал из склада бывшего монастыря выездной экипаж на рессорах. Позднее бывший

²⁹ Филипович М.В. Иоанно-Предтеченский женский монастырь в Томске как комплекс памятников культурного наследия // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. 2015. №3(19). С.61.

³⁰ ГАТО. Ф.Р-53. Оп.1. Д.186. Л.1.

³¹ ГАТО. Ф.Р-430. Оп.1. Д.37. Л.36-37.

женский монастырь передали губернскому управлению местного хозяйства. На полевых работах там трудилась артель «Женщина». В жилых помещениях артели монахини оборудовали домовую церковь. В октябре 1921 г. об этом стало известно городскому Совету и церковь закрыли³². В марте 1924 г. президиум Томского губисполкома санкционировал демонтаж здания церкви Предтеченского женского монастыря для использования бревен и прочего строительного материала на ремонте стекольного завода «Красное утро»³³.

В 1920 г. губернским властям удалось закрыть домовые церкви и немногочисленные монастыри. Дальнейшее наступление на церковь ослабло. Дефицит еды, одежды, обуви мыла и прочего уронил авторитет коммунистов. В этих условиях власть добивалась закрытия лишь отдельных церквей в рабочих районах, изображая это волеизъявлением трудового народа. В сентябре 1920 г. губернский ревком вновь принял решение о закрытии церкви в районе спичечной фабрики «Заря». Опись церковного имущества зафиксировала: металлические посеребренные кресты, серебряную лампаду, иконы и прочее. При этом вес реквизированных вещей не указан³⁴. Глава профсоюзного комитета предприятия Мурашкин, якобы по своей инициативе, потребовал от губернского ревкома передать пустовавшую церковь под школу. Ревком оперативно поддержал инициативу профсоюзного лидера³⁵. Однако собрание 180 прихожан 2 декабря 1920 г. потребовало отменить решение о закрытии церкви. Народный комиссариат юстиции предписал губернским властям передать церковь прихожанам для совершения религиозных обрядов³⁶. Военный комиссар Сибирской областной психиатрической больницы Григорий Рафаилович Ямпольский разрешил протоиерею Гнедовскому открыть церковь. 2 марта 1922 г. губисполком зарегистрировал церковную общину психолечебницы³⁷.

³² ГАТО. Ф.Р.-430. Оп.1. Д.33. Л.21.

³³ ГАТО. Ф.Р.-202. Оп.1. Д.50. Л.175.

³⁴ ГАТО. Ф.Р.-202. Оп.1. Д.2. Л.388-390.

³⁵ ГАТО. Ф.Р.-53. Оп.1. Д.185. Л.40.

³⁶ Безруких О. Православные храмы Томска. – Томск, 2005. С.178-179.

³⁷ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.493. Л.12.

Весной 1923 г. губернская власть начала новое наступление на храм. 15 апреля 1923 г. председатель фабричного комитета спичечной фабрики Михаил Иванович Апетенок, исполняя директивы вышестоящих инстанций, провел собрание партийно-советского актива предприятия. От имени всего коллектива коммунисты предложили закрыть храм. Через три дня совместное заседание губисполкома и губернское экономическое совещание заслушало доклад М.И. Апетенка и заведовавшего губернским политпросветом. В итоге приняли решение о закрытии церкви и передаче здания рабочему клубу³⁸. 20 апреля 1923 г. отдел управления городского исполкома Совета выдал начальнику первого района Томской горюездной милиции Василию Витковскому следующий мандат: «Поручается произвести ликвидацию имущества закрытой церкви при фабрике «Коминтерн» с передачей предметов культа близ лежащей церкви и остального в распоряжение рабочих для клуба и школы»³⁹. Помимо Витковского в состав комиссии по ликвидации церковного прихода включили: представителя второго райкома РКП(б) Виноградова, члена фабричного комитета Апетенка и секретаря ячейки РКП(б) Мурашкина. От верующих присутствовали члены церковного совета Алексей Вышеградский, Тимофей Минаев и Матвей Цветков⁴⁰. 27 апреля 1923 г. комиссия составила опись конфискованного имущества. 9 мая 1923 г. из церкви вывезли 9 серебряных вещей: ковчег, чашу, копье, кадило и прочее. Пять колоколов общим весом 1 534 кг. были переданы Губпоследголу. Помимо ценных металлов в Комитет помощи голодающим отдали: 6 ковров, 3 ризы, 4 полотенца, 8 стульев, медный кувшин, ножницы. Часть церковного имущества передали рабочему клубу и школе: шелковый белый и бардовый занавесы, шелковую шаль, два мягких кресла, 15 железных желобов, рабочий стол, деревянную бочку, железную печь с трубами и кое-что из церковного облачения (дьяконские пояса, эпитрахии)⁴¹. Акцию по распределению церковного имущества проводили: А.И. Мазенин от

³⁸ ГАТО. Ф.Р-173. Оп.1. Д.469. Л. 107.

³⁹ ГАТО. Ф.Р-173. Оп.1. Д.750. Л.100.

⁴⁰ ГАТО. Ф.Р-173. Оп.1. Д.750. Л.106.

⁴¹ ГАТО. Ф.Р-173. Оп.1. Д.750. Л.106.

РКИ, А.Г. Просвирин от губисполкома и председатель заводского комитета фабрики «Коминтерн» М.И. Апетенок. Коммунисты считали большим достижением закрытие церкви к Пасхе. В октябре 1923 г. в помещении церкви местная власть открыла рабочий клуб имени Карла Маркса⁴².

Аналогичным образом в мае 1923 г. второй райком РКП(б) г. Томска захватил храм на станции Томск II, надеясь открыть там клуб. Партийные функционеры полагали, что двух-трех пропагандистских лекций будет достаточно для закрытия церкви. Однако верующие сопротивлялись. В феврале 1924 г. профсоюзный комитет депо станции Томск II провел общее собрание рабочих и добился решения о передаче церкви под школу. Чтобы обезопасить себя от жалоб верующих во Всероссийский центральный исполнительный комитет Совета (ВЦИК) партийные и профсоюзные активисты собрали 600 подписей за закрытие церкви. Лишь 70 человек осмелились подписаться в защиту храма. Судьбу церкви решали только рабочие, число которых явно преувеличено. Мнения прихожан игнорировались. Опираясь на результаты голосования, губернский комитет РКП(б), возглавляемый В.С. Калашниковым⁴³, в ноябре 1924 г. вынес решение о закрытии церкви на станции Томск II⁴⁴.

Таким образом, коммунисты закрывали церкви в рабочих районах якобы по настоянию трудовых коллективов. На деле решения о ликвидации храмов инициировали партийные комитеты РКП(б). Жалобы верующих во ВЦИК лишь откладывали на время полное закрытие храмов.

В марте 1922 г. Губпоследгол позволил радио-телеграфному дивизиону Красной армии занять в Томске помещение Иверской часовни. Хранимые там

⁴² Дмитриенко Н.М. День за днем... С.192.

⁴³ Калашников Василий Степанович (1889-1970), образование начальное, электрик, член РСДРП с 1906 года. Революционную пропаганду вел в Иваново. Подвергнулся репрессиям: два с половиной года тюрьмы и три года ссылки. Рядовой пехотинец царской армии, а с 1919 по 1921 гг. – комиссар Красной армии. Около года служил в особом отделе армии. В 1921-1923 гг. занимал должности секретаря уездного комитета РКП(б), заведующего организационным отделом губкома. Делегат VIII съезда РКП(б) от Иваново-Вознесенской организации. В сентябре 1923 г. назначен секретарем Томского губкома РКП(б). Занимал этот пост до ноября 1925 г. Делегат XIII съезда и XIV партийной конференции от Томской организации. В 1926-1938 гг. служил в органах партийного и советского контроля. В 1944 г. ушел на пенсию.

⁴⁴ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.87. Л. 359.

иконы и купольный крест военным разрешили использовать на поделки. Летом 1923 г. Томский губисполком закрыл церковь на Степановке и передал здание педагогическому техникуму⁴⁵.

Железная дорога считалась стратегически важным объектом, который следовало освободить от так называемых церковно-монархических организаций. Сотрудники транспортного управления ГПУ собирали материал для предстоящего закрытия церквей на станциях железной дороги. В августе 1923 г., в городе Тайга и на станции Боготол осведомители ГПУ подготовили характеристики на местных священников и активных прихожан. Поступившая из центра телеграмма приостановила эту акцию, поскольку первоочередной задачей оставалась борьба с партиями социалистов-революционеров и социал-демократов. В сентябре 1923 г. губернский исполнительный комитет Совета утвердил решение Щегловского исполкома о закрытии церкви на Кемеровском руднике⁴⁶.

При царском режиме Томская губерния была традиционным местом ссылки для политически неблагонадежных людей⁴⁷. В двадцатые годы XX века в Нарым вновь стали прибывать ссыльные, на сей раз противники советской власти. Перерыв между царской и советской ссылкой оказался недолгим. К середине 1923 г. число административно ссыльных в Нарымском крае достигло 41, из них 12 священников. Ссыльные старообрядцы были настроены настолько враждебно к советской власти, что готовы были убить всякого партийного работника. 21 июля 1923 г. закрытое заседание Нарымского райкома РКП(б) заслушало доклад уполномоченного ГПУ о состоянии ссыльных в Нарымском крае. Было принято решение сконцентрировать всех ссыльных священников в бывшем Кенгинском монастыре, устроив из них артель под строгим контролем ГПУ и воспретить туда доступ посторонним. В отчете Томского губернского прокурора Б.М. Гуровича за декабрь 1924 г. сообщалось, что крестьяне Нарыма

⁴⁵ Дмитриенко Н.М. День за днем... С.193.

⁴⁶ ГАТО. Ф.Р-173. Оп.1. Д.1. Л.469.

⁴⁷ Хазиахметов Э.Ш. Большевики в нарымской ссылке. – Новосибирск, Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. – 184 с.

сочувственно относились к сосланным священникам, особенно к заместителю патриарха Тихона Агафангелу. Когда он был вблизи Нарыма, люди приходили к нему на поклонение⁴⁸. В августе 1924 г. сотрудники Государственного политического управления (ГПУ) Иосиф Гаврилович Смирнов, Ефим Алексеевич Волокитин и Виктор Кусков получили задание ликвидировать так называемую вооруженную кулацкую группировку в старобрядческом монастыре на берегу реки Кенга. Прибыв на место, они не обнаружили вооруженных людей. Тем не менее, силовики разогнали обитателей монастыря, изнасиловали молодых монашек Анастасию Дубовик и Хеонтию Горбунову. Хеонтия и ее сестра Платонида через неделю утопились⁴⁹. Сотрудники ГПУ присвоили себе часть реквизированных вещей и отправили их в Томск для продажи. За эти противоправные действия Смирнова и Волокитина не судили, а только исключили из РКП(б).

В феврале 1924 г. общее собрание коммунистов Берикульского рудника решило передать пустовавшую церковь под клуб имени В.И. Ленина. «За» голосовали 42 товарища, 22 – «против» и 18 «воздержались». Активисты сразу стали снимать иконостас, без уведомления уездного исполкома⁵⁰. Община верующих пожаловалась во ВЦИК. Высшая советская инстанция потребовала от Анжеро-Судженского райкома объяснить обстоятельства закрытия церкви. Константин Федорович Гроднер, Иван Иванович Степанов и Яков Трофимович Журавлев ответили, что решение о закрытии церкви было принято собраниями ячеек РКП(б). Секретари райкома постановили: «Опротестовать ложное заявление приходского совета и просить исполком привлечь указанный приходской совет и священнослужителя судженской церкви к ответственности за ложь и сознательную провокацию, направленную к возбуждению части населения копей против коммунистической партии»⁵¹. Коммунисты считали, что только они правомочны решать важные государственные вопросы. При

⁴⁸ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.100. Л.11.

⁴⁹ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.123. Л. 294.

⁵⁰ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.142. Л.40.

⁵¹ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.606. Л.67.

этом партийные комитеты явно преувеличивали степень ненависти рабочих к православию. В феврале 1924 г. Щегловский уездный комитет РКП(б) признал: «Антирелигиозная пропаганда имеет место во многих ячейках, но результаты её малоосязаемы»⁵². Томский уездный исполком добивался ликвидации часовни в селе Ежи Рождественской волости. При этом советские чиновники изображали инициатором реквизиции часовни комитет общественной взаимопомощи при Ново-Кусковском исполкоме⁵³.

Число культовых зданий в Томском уезде. Июнь 1923 года⁵⁴.

Религия, конфессия	Количество сооружений
Православие	103
Баптизм и Адвентизм	22
Ислам	13
Старообрядчество	5
Католицизм	1
Всего	144

Жалобы верующих во ВЦИК о насильственном закрытии церквей в провинции вынуждали партийные комитеты действовать осторожней. В июне 1923 г. директива Центрального комитета (ЦК) РКП(б) губернским комитетам предписывала приостановить закрытие церквей и внимательно относиться к жалобам со стороны населения⁵⁵. В апреле 1924 г. секретарь губернского комитета РКП(б) В.С. Калашников оправдывался перед секретарем Сибирского бюро ЦК РКП(б) С.В. Косиором. По мнению Василия Степановича, не партком, а сами рабочие требовали ликвидации храмов⁵⁶. Аналогичным образом снимали

⁵² ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.536. Л.95.

⁵³ ГАТО. Ф.Р-202. Оп.1. Д.35. Л.188.

⁵⁴ ГАТО. Ф.Р-202. Оп.1. Д.411. Л.617-619.

⁵⁵ Русская Православная церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Изд-во Библейско-богословского Института святого апостола Андрея, 1996. С.84.

⁵⁶ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.142. Л.37.

с себя вину за поспешную передачу церкви на станции Томск II под школу функционеры второго райкома Томска В.А. Пузаков⁵⁷ и И.П. Фурман.

Призывы к осторожности вовсе не означали отказа от репрессий. В.С. Калашников разъяснял рядовым коммунистам: «Нужно поставить церковь в такие условия, чтобы она сама умерла вследствие материальной необеспеченности»⁵⁸. Губернский исполком действовал более осторожно, чем партийный комитет. Коммунистическая фракция губисполкома – Михаил Моисеевич Майоров, Михаил Алексеевич Филатов, Трофим Иванович Мосунов, Роберт Карлович Линдэ – одобрила ходатайство профсоюза железнодорожников о закрытии церкви на станции Томск II лишь 9 января 1925 г., то есть через два месяца после решения губернского комитета РКП(б). Члены исполкома привели убедительный, по их мнению, аргумент. Якобы церковь находится в ведении железной дороги и должна быть закрыта. В решении губисполкома не упоминалось о числе прихожан и их правах. Губком РКП(б) и губисполком не могли представить себе независимую церковь. При этом коммунисты оформляли репрессивные акты против церкви как волеизъявление трудящихся.

На селе церкви, как правило, не закрывались и даже строились новые. Весной 1922 г. жители Турунтаево собрали средства на возведение новой церкви взамен сгоревшей. В марте 1923 г. жители села Кониново Семилуженской волости собрали 26 пудов хлеба на постройку храма. Вороно-Пашенский волостной исполком конфисковал зерно, но уездный исполком заставил вернуть⁵⁹. В мае 1924 г. верующие села Ново-Кусково собрали деньги на достройку причтового дома. В селе Петропавловском Вороновского района в начале 1925 г. верующие решили строить молитвенный дом. Люди не ожидали, что кампания по ликвидации храмов будет продолжаться. Коммунисты,

⁵⁷ Пузаков Василий Андреевич родился в 1893 г. в Екатеринбурге, работал в Перми и Новониколаевске, на Томской мельнице. В июле 1917 г. примкнул к большевикам. В 1918 г. скрывался от «белых» в Красноярске. По возвращении в Томск был арестован, но через три месяца освобожден. В 1920-1921 гг. вел пропагандистскую работу среди железнодорожников. В 1922-1924 гг. занимал должность второго секретаря райкома РКП(б) Томска. В июне 1925 г. командирован на курсы партработников при ЦК РКП(б).

⁵⁸ ЦДНИТО. Ф.1. Оп.1. Д.129. Л.1-2.

⁵⁹ ГАТО. Ф.Р-202. Оп.1. Д.522. Л.31.

напротив, считали закрытие культовых сооружений недостаточным без репрессий священников.

2. Гонения на служителей культа

Советское правительство декларировало отделение церкви от государства, однако на деле проводило прямо противоположную политику полного подчинения всех конфессий своему влиянию. Обязательным условием существования церковных общин стала их регистрация в органах местной власти, возглавляемых коммунистами. Чтобы остаться в легальном поле, общины верующих вынуждены были принимать на себя многочисленные обязательства по неуклонному соблюдению всех советских законов и подзаконных актов. В марте 1920 г. Томский губернский революционный комитет зарегистрировал общины Благовещенского и Преображенского храмов, а в июле – лютеранской церкви Святой Марии и Кафедрального собора. К августу 1920 г. революционный комитет (ревком) зарегистрировал еще несколько православных общин: Знаменского, Сретенского, Богоявленского и Вознесенского храмов. В августе 1920 г. власть зарегистрировала общину Красной мечети. До конца 1920 г. регистрацию также прошли общины верующих Соборной мечети и Хоральной синагоги.

После регистрации верующие получали храмы в бессрочное и бесплатное пользование и брали на себя ответственность за сохранность имущества. Общины обязывались не допускать враждебных советской власти политических собраний, раздачи и продажи антикоммунистической литературы, произнесения антисоветских проповедей. Регистрация общин сопровождалась составлением описей всего церковного имущества. Чиновники тщательно проверяли составленные священниками описи. В сентябре 1920 г. советский народный суд отчитался перед губернским исполкомом Совета о выполнении декрета правительства по подчинению церкви государству. В Томске под контроль ревкома были взяты: 13 православных храмов, один старообрядческий, две мечети, католический костел, лютеранская кирха и синагога⁶⁰. Вдали от губернского центра положение дел было иным. Общины

⁶⁰ ГАТО. Ф.Р-173. Оп.1. Д.591.

сельских церквей не регистрировались и не брали на себя каких-либо обязательств перед уездными исполкомами Советов.

Регистрация советской властью, а фактически коммунистами, всех конфессий проводилась для выявления активных верующих с целью их последующего преследования. В январе 1921 г. в Томске зарегистрировалась община Адвентистов седьмого дня под руководством Яна Яновича Вильсона. Адвентисты проживали в Томской губернии в течение 12 лет. Одна община находилась в городе, а 9 – в уездах. Общее число адвентистов достигало 700 человек. Верующие признавали коммунистические идеи как возможную перспективу, но в отдаленном будущем. При этом частная собственность допускалась, как и вступление в армию. В целом отношение адвентистов к воинской повинности оставалось негативным. Общину христиан-баптистов возглавлял Лука Андреевич Глушко. В Томске проживали 44 баптиста, а основная масса – в деревнях. В Томске насчитывалось около 60 старообрядцев. Их лидером был Михаил Савельевич Джерихов⁶¹. Все эти общины попали под жесткий контроль советской власти.

Не все религиозные общины удостоились регистрации. В феврале 1922 г. губернский отдел юстиции отказался зарегистрировать устав первого томского Римско-Католического общества. Якобы, документ противоречил декрету об отделении церкви от государства⁶². В конце 1922 г. административные органы зарегистрировали адреса священников основных храмов города. Богоявленский Всеволод Семенович проживал в здании мужского монастыря, Галахов Яков Яковлевич – в ограде Нового собора, Хитровский Михаил Яковлевич – в Аптекарском проезде №3, Никольский Александр Иванович – на Ленинском проспекте №40, Климачев Николай Степанович – на улице Преображенской №22 и так далее⁶³. Это существенно упростило для ГПУ процедуру последующего ареста священников.

⁶¹ ГАТО. Ф.Р.-236. Оп.1. Д.81. Л.44.

⁶² ГАТО. Ф.Р.-326. Оп.1. Д.81. Л.120.

⁶³ ГАТО. Ф.Р.-236. Оп.2. Д.96. Л.431.

Летом 1923 г. были созданы дополнительные бюрократические препоны по регистрации религиозных обществ. В Томск поступила директива, которая содержала ссылки на инструкцию Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) от 24 августа 1918 г. и на постановление ВЦИК от 3 августа 1922 года. Местная власть предупреждалась, что ни одно общество не может действовать без регистрации. Для регистрации следовало предоставить: заявление в трех экземплярах, протокол собрания общества, список учредителей с указанием места жительства, социального положения, общественного и служебного положения до 1914 г., принадлежность к бывшему сословию, имущественное положение, время присоединения к данному религиозному культу, гербовый сбор. Верующих обязали составить списки членов общества и служителей культов. Местная власть могла отказать в регистрации, если число заявителей составляло менее пятидесяти человек. На регистрацию отводилось три месяца. Общества, не успевшие собрать нужные бумаги, объявлялись закрытыми⁶⁴.

В 1924 г. губисполком начал новую кампанию по регистрации церковных общин. Вводилось обязательное поименное перечисление всех прихожан и священников. Кроме того, каждый верующий заполнял анкету: адрес, социальное положение, недвижимое имущество, воинское звание. Верующие должны были перечислить все партии, в которых они состояли ранее, и указать причины выхода из них. В специальной графе нужно было отметить, где служил во время правления А.В. Колчака. Повторная регистрация сопровождалась составлением новой описи церковного имущества, оставшегося в пользовании общины. Советские чиновники внимательно изучали описи, помечая все, даже мелкие, серебряные вещи. В марте 1924 г. была зарегистрирована община Евангельских Христиан-Адвентистов седьмого дня. Анкеты заполнили: Жилин Василий Павлович, Блинов Илларион Карлович и другие. В списке имущества значилась фисгармония⁶⁵. В августе 1924 г. в регистрационный лист Кафедрального собора в Томске были вписаны

⁶⁴ ГАТО. Ф.Р.-202. Оп.1. Д.599. Л.80.

⁶⁵ ГАТО. Ф.Р.-439. Оп.1. Д.39. Л.25, 30.

прихожане: Хавкунов Михаил Николаевич, Шигаров Нестор Евграфович, Соколов Андрей Иванович, Андросов Федор Петрович и другие⁶⁶.

В сентябре 1924 г. губисполком зарегистрировал церковную общину Иверско-Богородской часовни. В описи имущества было указано 17 предметов, в том числе серебряный крест, позолоченные иконы. Обязанности священника исполнял Лукин Иван Григорьевич, 1847 года рождения. В общину верующих были записаны: Степанов Григорий Григорьевич, Степанова Татьяна Андреевна, Лютова Розалия Дмитриевна, Хапуров Алексей Матвеевич. Возле последней фамилии стояла пометка – «торговец»⁶⁷. В июле 1925 г. от имени Римско-Католической церкви договор о регистрации с губисполкомом подписал Адам Францевич Чайковский. В описи имущества костела перечислено несколько дорогих вещей: фисгармония, орган, две серебряные чаши и одна серебряная лампада. В общине было записано 20 человек: Александрович Карл Адамович, Бриц Анна Францевна, Обухович Владислав Францевич и другие⁶⁸. Договор о регистрации Благовещенской общины зафиксировал 64 прихожанина: Пичугин Евгений Васильевич, Ширыкалов Епифан Андреевич, Серегина Елена Федоровна и другие⁶⁹. Опись имущества Воскресенской кладбищенской церкви в 1925 г. зафиксировала 6 медных колоколов, два серебряных креста и серебряные сосуды. Повторная опись имущества Иоанно-Лествичной церкви выявила 6 колоколов, четыре из которых были изготовлены на известной фабрике Оловянного. В ноябре 1925 г. в церковной общине было записано 83 верующих⁷⁰. В 1925 г. местная власть впервые зарегистрировала священнослужителей мечети: муллу Саида Шарифа Мулюкова, муадзина Гарифзяна Саловатова. В числе верующих были указаны: Бахтияров Хасан, Саликов Арслан, Алимов Абдурахман.

⁶⁶ ГАТО. Ф.Р.-430. Оп.1. Д.3. Л. 23.

⁶⁷ ГАТО. Ф.Р.-430. Оп.1. Д.38. Л. 17.

⁶⁸ ГАТО. Ф.Р.- 430. Оп.1. Д. 62. Л. 2, 4.

⁶⁹ ГАТО. Ф.Р.-430. Оп.1. Д.60. Л.16.

⁷⁰ ГАТО. Ф.Р.-430. Оп.1. Д.61. Л. 40-42.

Весной 1924 г. в Томском уезде были оформлены договоры волостных исполнительных комитетов (ВИК) Советов с общинами верующих⁷¹. С октября 1923 г. по апрель 1925 г. 25 ВИКов прислали в губернский центр 39 копий договоров и списков имущества церквей. Уездный исполком разослал ВИКам типовой договор на передачу общинам верующих имущества религиозных культов⁷². 24 августа и 5 ноября 1925 г. томский костел ограбили. Адам Францевич Чайковский⁷³ сообщил об этом в уголовный розыск.

В 1925 г. советская власть в очередной раз усложнила условия регистрации конфессий с целью понизить число верующих. Всех новых прихожан обязали писать заявления о желании вступить в группу верующих. При этом копии заявлений направлялись чиновниками в губернский уголовный розыск, якобы с целью выявления преступников⁷⁴. В мае 1925 г. губернский исполком Совета отказал общине адвентистов в проведении собрания по вопросам воспитания молодежи и общения с единоверцами. Верующим запретили чтение стихов и псалмов, а также вести проповеди трезвого образа жизни. В июне 1925 г. молитвенные собрания общины адвентистов удалось перенести с Иркутской улицы на Гоголевскую (угол Гололевской и Нечаевской улиц)⁷⁵. В июне 1925 г. православная община Знаменской церкви, в которой служил священник Ильинский Василий Николаевич, получила разрешение на регистрацию. В Хоральной синагоге служил Певзнер Меер Шоломович, имевший церковное и педагогическое образование. При советской власти его судили, но к 1925 г. освободили. В июне 1925 г. в Кафедральном соборе служили: Беликов Дмитрий Никанорович, Кагугин Владимир Яковлевич, Нестеровский Стефан Афанасьевич, Ядрышников Виктор Дмитриевич, Просондеев Федор Артемьевич.

⁷¹ ГАТО. Ф.Р.-202. Оп.1. Д.119.

⁷² ГАТО. Ф.Р.-202. Оп.2. Д.117. Л.34.

⁷³ Чайковский прибыл в Томск из Виленской губернии, окончил 4 класса, служил в царской армии, в политических партиях не состоял.

⁷⁴ ГАТО. Ф.Р.-430. Оп.1. Д.3. Л.71.

⁷⁵ ГАТО. Ф.Р.-430. Оп.1. Д.39. Л.29-30.

Провозглашенное В.И. Лениным отделение церкви от государства фактически не соблюдалось. Чтобы избежать закрытия, на все свои действия конфессии вынуждены были просить разрешения у чиновников. Несмотря на военное положение, советская власть Томска пошла на уступки верующим во время пасхальных праздников 1920 года. Жителям города разрешили свободное хождение по улицам ночью 9-11 апреля. Ревком дозволил колокольный звон и иллюминацию храма за счет общины, но запретил подавать электричество⁷⁶. В июле 1920 г. отдел управления Томского горюездного комитета разрешил священнику К. Лебедеву крестный ход по Спасской улице до пристани, для проводов Иконы Божьей матери в село Богородское⁷⁷. 3 августа 1920 г. Томский горюездный исполком позволил протоиерею Никольской церкви г. Томска Константину Владимировичу Лебедеву провести собрание общины верующих для избрания нового настоятеля. Семен Сосунов отказался служить в связи с преклонным возрастом, а протоиерей Евгений Гнедовский перешел в церковь психиатрической больницы⁷⁸. В сентябре 1920 г. местная власть разрешила ахуну первой томской мечети и имаму второй провести съезд мусульман губернии для избрания церковного руководства. Ревком заставил верующих дополнить повестку съезда двумя пунктами: 1) Текущий момент; 2) Восток в борьбе с империализмом. Таким путем коммунисты пытались вести революционную пропаганду среди мусульман.

В январе 1921 г. Г.А. Кузнецов и Ф.Ф. Колупаев от имени Объединенного совета Евангельских христиан-баптистов просили губисполком разрешить проведение им собрания 13 февраля 1921 г. в Томске. Намечались следующие вопросы: объединение общин, организация районного съезда, выборы районного совета, текущие дела. Губисполком не препятствовал организации собрания. Община располагалась по адресу улица Миллионная №10. В июне 1921 г. отдел управления губернского исполкома разрешил Нурмухаметову организовать совещание мусульманского духовенства. 2 января 1922 г.

⁷⁶ ГАТО. Ф.Р-53. Оп.1. Д.66. Л.309.

⁷⁷ ГАТО. Р-202. Оп.1. Д.157. Л.10.

⁷⁸ ГАТО. Ф.Р-202. Оп.1.Д.157. Л.49.

церковно-приходской совет Свято-Петропавловской церкви просил отдел управления губисполкома разрешить собрание прихожан. В повестку дня были поставлены вопросы: 1) О квартире и содержании священника, 2) Текущие дела. 18 февраля 1922 г. тот же приходской совет просил разрешения на проведение собрания с повесткой: 1) Годовой отчет, 2) Избрание церковного старосты и ревизионной комиссии, 3) О содержании храма. Прошение подписал священник Каменский. Церковь находилась на Мухино-Бугорской площади (угол Тверской и Никольской). В марте 1922 г. губернский отдел юстиции отклонил ходатайство о регистрации Союза христиан-адвентистов, вынуждая их перейти на нелегальное положение.

Отдел управления губисполкома командовал конфессиями. Без его согласия нельзя было проводить никаких церковных мероприятий. 13 января 1921 г. он разрешил совету Богоявленской церкви крестный ход на праздник Крещения, 19 января 1921 г., на реку Томь. Ответственным действия был назначен священник Лебедев. Информацию об этом отдел управления сообщил в ЧК⁷⁹. Губисполком разрешил крестный ход 29 мая 1921 г. общине Римско-Католической церкви из костела на кладбище и обратно. Подобные разрешения стали нормой церковной жизни. Например, 22 марта 1922 г. отдел управления губисполкома сообщил в ЧК о разрешениях на устройство собраний: прихожанам бывшего женского монастыря, совету религиозной общины при Крестовоздвиженской церкви, приходскому совету Преображенской церкви⁸⁰. Запрашивая разрешение на проведение собрания, церковная община обязывалась указать: дату мероприятия, повестку и фамилию ответственного. Например, 18 февраля 1922 г. приходской совет Свято-Петропавловской церкви сообщал в отдел управления губисполкома повестку предстоящего собрания: 1) О квартире и содержании священника; 2) Избрание церковного старосты и ревизионной комиссии; 3) О содержании храма. Называлась и фамилия ответственного – священник Елтидифор Каменский⁸¹. Исполкомы строго

⁷⁹ ГАТО. Ф.Р-173. Оп.1. Д.351. Л.21.

⁸⁰ ГАТО. Ф.Р-173. Оп.1. Д.335. Л.107.

⁸¹ ГАТО. Ф.Р-173. Оп. 1. Д. 335. Л. 31.

следили, дабы священники при проведении массовых мероприятий не выходили за пределы дозволенного. В августе 1923 г. исполком Ленино (Кольчугино) оштрафовал на 200 золотых рублей священника Сергеева. Ему разрешили провести собрание верующих только в одном селе, а он разослал приглашения по всем сельсоветам Кольчугинской волости⁸². В мае 1922 г. отдел управления губисполкома дозволил приходскому совету Богоявленской церкви провести крестный ход до Иверской часовни и обратно. Информация об этом, как обычно, была передана в ГПУ⁸³.

Засуха 1921 г. в Поволжье спровоцировала масштабный голод. Советское законодательство лишило церковь статуса юридического лица а, следовательно, и возможности легально заниматься благотворительностью. 26 августа 1921 г. Томское епархиальное управление обратилось в губисполком за разрешением собирать помощь голодавшим. Отказа не было, но служители культа ставились под контроль Всероссийского комитета помощи голодающим и РКИ. РПЦ пыталась дистанцироваться от советского государства. Томское епархиальное управление разослало благочинным всех округов инструкцию по сбору пожертвований голодавшим. Перед началом акции священникам рекомендовалось зачитывать воззвание патриарха Тихона, позиция которого существенно отличалась от правительственной. К маю 1922 г. 8 православных храмов Томска собрали 10 337 105 рублей пожертвований. Это далеко не полные данные. С большой долей вероятности можно предположить, что собранное церквями записывалось в актив Помгола. Власть не афишировала факты добровольных пожертвований верующих голодавшим.

Со второй половины 1922 г. начинается новое наступление на РПЦ в связи с общероссийской кампанией изъятия церковных ценностей. Местная власть увеличила количество запретов на церковные мероприятия. В июле 1923 г. Томский уездный исполком запретил ярмарки и крестные ходы под предлогом борьбы с эпидемией⁸⁴. Вороновский исполком 18 января 1924 г.

⁸² ГАТО. Ф.Р.-173. Оп. 1. Д. 432. Л. 101.

⁸³ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.335. Л.292.

⁸⁴ ГАТО. Ф.Р.-202. Оп.1. Д.49. Л.85.

разрешил крестный ход, а на следующий день запретил, сославшись на постановление уездного исполкома⁸⁵. В августе 1924 г. партийная ячейка села Поломошное запретила крестный ход на праздник Успения под предлогом борьбы с эпидемией скота. Женщины отреагировали на это отказом посещать общие собрания села, «дабы не подцепить заразу». На общее собрание 24 августа 1924 г. никто из жителей деревни не явился. Коммунисты объявили случившееся «кулацкой провокацией»⁸⁶.

В январе 1922 г. Анжеро-Судженский рудничный исполком возбудил судебное дело против священника, который венчал и хоронил людей без соответствующих документов ЗАГСа. В июне 1922 г. за подобные действия был оштрафован священник Инкинского сельсовета Нарымского края Никита Казаков. Советская власть постоянно напоминала церкви о её подчиненном, бесправном положении, об обязанностях выполнять все предписания чиновников. За этим строго следила прокуратура, которая за 1923 г. рассмотрела 22 дела о нарушении служителями культа многочисленных советских декретов и постановлений. Коммунисты пытались придать преследованиям церкви вид законности. В мае 1923 г. Тайгинский горисполком наложил штраф на священника Павла Ефимовского и церковного старосту Ивана Съедина, по 10 золотых рублей на каждого, за проведение собрания верующих без приглашения представителя советской власти. Мариинский уездный комитет РКП(б) и прокуратура губернии изгнали из коллегии адвокатов гражданина Кислицкого как верующего и председателя церковного совета. Ссылаясь на Конституцию Российской Советской Федеративной Социалистической республики (РСФСР), уездный комитет РКП(б) настаивал, что Кислицкий «не может занимать ответственной должности и в данном случае как противный элемент соввласти, должен быть снят с этой должности». Кислицкого также третировали как бывшего эсера. Прокуратура одобрила

⁸⁵ ГАТО. Ф.Р.-202. Оп.1. Д.54. Л.6.

⁸⁶ ЦДНИ ТО. Ф.4. Оп.1. Д.206. Л.407.

решение партийной инстанции «об устранении такого защитника – поборника клерикализма и эсеровских идей»⁸⁷.

Советская власть довольно часто прибегала к такому виду репрессии, как выселение священника из причтового дома. Таким образом, чиновники лишали священника жилья, построенного на средства верующих. Более того, служителей культа и членов их семей с октября 1919 г. Народный комиссариат земледелия (Наркомзем) лишал права пользования земельными участками⁸⁸. В марте 1920 г. Александровский волостной ревком занял половину дома священника под читальню. Томский уездный революционный комитет одобрил это как разумное решение⁸⁹. В селе Леботер того же уезда ЧК арестовала священника и передала дело в суд. Уездный ревком приказал занять дом священника под культурное учреждение, а жене служителя культа «предоставить другое помещение»⁹⁰. В октябре 1920 г. церковь при Владимировском приюте закрыли, а священника Полетаева Константина Васильевича выселили. В декабре 1920 г. Томский горуюездный исполком Совета пытался забрать под школу дом ксендза в селе Белостокское Ново-Александровской волости, но жители резко выступили против. Советские чиновники отступили, но заявили, что поляки «крайне невежественны и необразованны, стоят на очень низком уровне культуры и по настоящее время фанатичны в отношении религии»⁹¹.

По рекомендации инструктора Томского уездного комитета РКП(б) Романа Захаровича Валявко⁹², в январе 1921 г. Богородский волостной исполком выселил из дома священника и псаломщика, передав помещение под канцелярию и общежитие милиции. 1 декабря 1920 г. волостной исполком села Ярское возвратил священнику Сергею Шаврову вещи, которые брали у него

⁸⁷ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.1094. Л.16-18.

⁸⁸ ГАТО. Ф.Р.-202. Оп.1. Д.168. Л.74.

⁸⁹ ГАТО. Ф.Р.-202. Оп.1. Д.2. Л.92.

⁹⁰ ГАТО. Ф.Р.-202. Оп.1. Д.2. Л.37.

⁹¹ ГАТО. Ф.Р.-202. Оп.1. Д.150. Л.98.

⁹² Р.З. Валявко 1897 г.р., работал в Риге и Митаве. В 1914 г. окончил учительские курсы и служил рядовым в армии. В 1917 г. переведен в Сибирь. В марте 1918 г., после лечения в госпитале, уволен из армии. При колчаковском режиме скрывался в деревнях Томской и Енисейской губерний. С 1920 г. на продовольственной работе, а затем инструктор уездного исполкома, член Томского уездного секретариата РКП(б).

комсомольцы для постановки спектакля: 5 штор, 1 скатерть, 1 ковер, 1 самовар. Священник пожертвовал ярскому союзу молодежи для избы-читальни один гардероб и 3 стула. Однако мирное сосуществование церкви и власти продолжалось недолго. В январе 1921 г. местная власть села Маличевского Томского уезда арестовала на две недели ксендза Римско-Католической церкви Гуммина и решила забрать его дом. Все документы о ксендзе направили в ЧК⁹³.

Выселение священника обычно сопровождалось конфискацией его имущества. В феврале 1921 г. у семьи священника села Казанка Новокусковской волости Иваницина коммунисты забрали 127 вещей. В том числе: швейную машинку, мясорубку, утюг, фарфоровый чайник, стаканы, скатерть, занавески, платье, женскую рубашку, нижнюю юбку, старые калоши и прочее⁹⁴. В феврале 1921 г. члены церковно-приходского совета села Ярское Иван Чернильщиков и Афанасий Фролов просили ВЦИК дать разъяснение о законности приказа Томского губернского ревкома от 17 марта 1920 г. о разрушении часовни⁹⁵.

В мае 1921 г. Вороно-Пашенский волисполком выселил священника из причтового дома в селе Архангельском. В сентябре 1921 г. жильё священника в селе Вороново передали под дом ребенка. Причтовый дом в Николаевской волости заняла милиция, выгнавшая псаломщика Чистосердова на улицу. В декабре 1921 г. дом священника в селе Петухово забрал волостной партийный комитет⁹⁶. В апреле 1922 г. Ново-Рождественский сельсовет занял дом священника. Через месяц отдел управления Томского уездного исполкома отменил это решение и приказал вернуть дом священнику. Аналогичное указание было дано Таловскому волостному исполкому Совета⁹⁷. В соответствии с директивой Томского уездного исполкома о борьбе с эпидемией, собрание жителей села Таловское в марте 1924 г. одобрило выселение в 24 часа якобы больного священника Введенского. Из 135 жителей,

⁹³ ГАТО. Ф.Р.-202. Оп.1. Д.20. Л.9.

⁹⁴ ГАТО. Ф.Р.-202. Оп.1. Д.169. Л.83.

⁹⁵ Из истории земли томской. 1921-1924. С.139.

⁹⁶ ГАТО. Ф.Р.-202. Оп.1. Д.20. Л.113.

⁹⁷ ГАТО. Ф.Р.-202. Оп.1. Д.427. Л.3.

присутствовавших на собрании, в защиту Введенского высказались только 35. Через день служитель культа уехал в село Пача⁹⁸. В августе 1925 г. Томское городское домоуправление отказало общине Римско-Католической церкви возвратить её двухэтажный дом рядом с костелом по адресу улица Ефремовская №4. Чиновники мотивировали отказ следующими аргументами: здание велико для сторожей и прислуги; оно «заселено в настоящее время трудовым элементом»⁹⁹.

Священников не только выселяли, но и арестовывали. В апреле 1920 г. ревком Яшкино арестовал священника села Литвиново Василия Машанова. Якобы он при колчаковском режиме доносил на коммунистов, а в 1920 г. в своих проповедях ругал коммунистов «извергами рода человеческого»¹⁰⁰. Некоторые служители культа открыто выступали против советской власти. В июле 1920 г. вспыхнуло восстание в селе Семилуженском. Его инициаторами были священник Москвин и секретарь исполкома Совета Соколова. В сентябре 1920 г. их арестовали¹⁰¹. В декабре 1920 г. заместитель начальника Томской губернской ЧК Борис Аркадьевич Бак приказал арестовать священников Томского уезда: Гаврилова из деревни Поздняково и Способина из села Анастасьево. Служители культа обвинялись в призывах крестьян к восстанию и невыполнению продовольственной разверстки¹⁰². 18 января 1921 г. Молчановский революционный комитет, по рекомендации инструктора Романа Семеновича Верховина, приговорил к расстрелу за контрреволюционную деятельность священника Леботерского общества Белявского и ксёндза Грабовского из села Маличевского. Еще в мае 1920 г. Франц Иванович Грабовский подал заявление в губернский ревком, в котором сообщал о его аресте чехами, о насильственной мобилизации в «белую» армию на должность капеллана. Франц просил отпустить его в Уфу. Заявление Грабовского

⁹⁸ ГАТО.Ф.Р.-202. Оп.1. Д.50. Л.566.

⁹⁹ ГАТО. Ф.Р. 430. Оп.1. Д. 62. Л.20.

¹⁰⁰ ГАТО. Ф.Р.-809. Оп.1. Д.3. Л.19.

¹⁰¹ Из истории земли томской. 1917-1921. С.249.

¹⁰² Там же. С.124.

передали на рассмотрение ЧК, а затем местному ревкому¹⁰³. Могилу для обреченных заставили копать люди, подозреваемых в антисоветских настроениях. Жестокая расправа со священниками вынудила президиум Томского уездного комитета РКП(б) 8 февраля 1921 г. дать оценку случившемуся. Действия инструктора Верховина были признаны «юридически правильными, а политически – недостаточно обдуманнными»¹⁰⁴. За покушение на жизнь священника губернская контрольная комиссия коммунистов исключила Григория Гаврилова из числа кандидатов в члены РКП(б)¹⁰⁵. Некоторые священники продолжали открыто критиковать советскую власть и коммунистов. Весной 1925 г. священник Серебряков предупреждал крестьян села Вороново, что вступившие в отряд пионеров не получают причастия. В селе Ново-Троицком Богородского района священник Покровский вел агитацию против пункта ликвидации безграмотности¹⁰⁶.

Партийные ячейки следили за служителями культа. В феврале 1921 г. коммунисты села Семилуженского докладывали уездному комитету РКП(б), что сосланный на принудительные работы бывший священник Москвин часто возвращался в село и проводил церковные службы¹⁰⁷. В марте 1921 г. губернский революционный трибунал осудил священника Григория Федоровича Безобразова как симпатизанта партии кадетов¹⁰⁸. Священник служил в селе Пача Болотнинской волости. Он призывал верующих не подчиняться декретам советской власти, не выполнять заданий по разверстке. Священник критиковал декрет об отделении церкви от государства и вопреки запрету продолжал совершать обряды бракосочетания и отпевания. Донос в ЧК на священника написал счетовод союза кооператоров Иван Васильевич Дьяконов, сочувствовавший РКП(б). Он назвал Безобразова кадетом по убеждению¹⁰⁹. Это обвинение стоило жизни священнику. Следует помнить, что

¹⁰³ ГАТО. Ф.Р-173. Оп.1. Д.19. Л.49.

¹⁰⁴ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.361. Л.39.

¹⁰⁵ ЦДНИ ТО. Ф.2. Оп.1. Д.1. Л.116.

¹⁰⁶ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.631. Л.4.

¹⁰⁷ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.92. Л.33.

¹⁰⁸ Из истории земли томской. 1917-1921. С.143.

¹⁰⁹ ГАТО. Ф.Р.-236. Оп.2. Д.79.Л.18.

В.И. Ленин называл конституционных демократов врагами народа¹¹⁰. В 1991 г. Безобразова реабилитировали. Священник Григоров Владимир Михайлович служил в селе Ильинском Кузнецкой волости. В июле 1921 г. он был осужден на 3 года лишения свободы условно за распространение стихов антисоветского содержания¹¹¹.

В год пятилетнего юбилея Октябрьской революции 1917 г. коммунисты активизировали борьбу с религией в надежде «уничтожить ее как можно быстрее». В Мариинске, в ночь на Рождество 1922 г., местная власть арестовала вышедших из церкви прихожан и духовенство. Часть задержанных отправили на принудительные работы.

Сельские священники, как правило, не имели посевов и скота. Тем не менее, административные органы требовали от них выполнения налоговых обязательств. В селе Варюхино, Покровской волости Томского уезда, масляный налог за священника внесло общество. В январе 1922 г. уездный продовольственный комитет заявил протест и передал дело священника в революционный трибунал. Служителя культа приговорили к двум годам условно и обязали лично, в двойном размере оплатить мясной и сенной налоги¹¹².

Губернский исполком ориентировал чиновников на репрессивные действия против служителей культа. Глава губернской юстиции Александровский в июне 1920 г. призывал волостные ревкомы разъяснять сельским жителям, что «священники скрежещут зубами и натравливают народ на советскую власть только потому, что советская власть отняла у них власть над народом»¹¹³. Коммунисты не скрывали своей ненависти к священникам. В марте 1923 г. инструктор Томского уездного комитета РКП(б) сообщал о результатах обследования партийной ячейки села Калтай: «Церковь в селе еще до сих пор не сгорела и поп Серебряников, который подрался с ярским попом,

¹¹⁰ В.И. Ленин. ПСС. Т.35. С.138.

¹¹¹ ГАТО. Ф.Р.-236. Оп.2. Д.117. Л.80.

¹¹² ГАТО. Ф.Р.-316. Оп.1. Д.35. л.55.

¹¹³ ГАТО. Ф.Р.-202. Оп.2. Д.15. Л.8.

продолжает околпачивать православных»¹¹⁴. Таким образом, служители культа систематически подвергались гонениям. Репрессии против священников заметно активизировались в период общероссийской кампании конфискации богатств церкви.

¹¹⁴ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.1244. Л.11.

3. Изъятие церковных ценностей

Засуха 1921 г. в Поволжье стала величайшей катастрофой для России, разоренной Гражданской войной. Голодали миллионы людей. Правящая партия пыталась внушить рабочим и крестьянам, что в стране нет никаких государственных резервов, и единственно возможным выходом из положения может быть только конфискация церковного золота и серебра. С февраля 1922 г. ЦК РКП(б) начал агитацию за конфискацию церковных ценностей, якобы, для закупки хлеба голодавшим. Инициаторами реквизиции выступали Л.Д. Троцкий и В.И. Ленин. Согласно официальной версии, конфискация осуществлялась для спасения жизней миллионов голодавших. Однако правящая бюрократия считала приоритетной иную, тщательно скрываемую цель – использовать обстановку голода для разгрома РПЦ. Вожди РКП(б) продвигали свои репрессивные проекты от имени Советов.

Пленум Томского губернского комитета РКП(б) 11 февраля 1922 г. обсудил план проведения кампании по изъятию церковных ценностей. С инструктивным докладом выступал председатель губернского исполкома Совета, член ВЦИК и бюро губкома РКП(б) Н.П. Теплов¹¹⁵. ЦК РКП(б) ориентировал местные организации на максимальное изъятие драгоценных металлов из храмов.

В начале 1922 г. среди секретарей Сиббюро ЦК РКП(б) преобладало мнение, что не стоит спешить с конфискацией, а лучше пока ограничиться агитацией и пропагандой. А.П. Марцинковский, от имени президиума Томского губкома РКП(б), настаивал на скорейшем изъятии серебра из храмов¹¹⁶. 23 февраля 1922 г. секретарь ЦК РКП(б) В.М. Молотов потребовал от местных партийных комитетов активизировать кампанию по изъятию церковных

¹¹⁵ Теплов Николай Павлович, примерно 1887 г. р., из рабочих, имел начальное образование, член РСДРП с 1905 г. В декабре 1919 г. входил в состав реввоенсовета 5-й армии. С июня 1921 по май 1922 г. – председатель губернского исполкома. В 1937 г. арестован.

¹¹⁶ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.72. Л.5.

ценностей¹¹⁷. Агитационный отдел губкома РКП(б) готовил массовый митинг в Томске с целью потребовать конфискации храмового золота и серебра. В феврале 1922 г. аналогичные митинги были проведены в Мариинске и Самусьском затоне. Губернская газета изображала местных священников алчными, равнодушными к смерти голодных братьев.

Митинг 10 марта 1922 г. в Томске, во Дворце труда, был организован коммунистами с целью запугать духовенство и верующих, заставить их безропотно подчиниться конфискации храмовых ценностей. Первым перед собравшимися выступил председатель губернского трибунала И.Г. Макаренко¹¹⁸. Слушатели были шокированы жуткими подробностями голода в Поволжье. От имени православного духовенства говорил Макарий Торопов. Евангелист Тамбовский ратовал за изъятие золота из православных храмов. Р.М. Азарх уверяла, что в храмах всех конфессий хранится масса никому не нужных ценностей. В своем заключительном слове И.Г. Макаренко озвучил масштабные планы партии и правительства по конфискации ценностей РПЦ из 52 000 российских храмов, 418 мужских и 406 женских монастырей. По предложению коммунистов, митинг принял резолюцию: «Категорически высказываемся за немедленное изъятие церковных имуществ всех религий по всей Томской губернии, всех драгоценных предметов из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа»¹¹⁹. Коммунисты завершили митинг пением революционного марша: «Смело, товарищи, в ногу...». В итоге верующим так и не дали возможности высказать свое мнение. Оказавшись на улице, люди стали возмущаться: «Почему золото не отбирают из комиссионных магазинов? Зачем содержать такую большую армию, если нет войны? Отдайте хлеб армии голодным!»

¹¹⁷ Русская Православная церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и материалы. М.: 1996. С.73.

¹¹⁸ Макаренко Иван Григорьевич 1895 г.р., образование среднее, юрист-практик. Член РСДРП с 1915 г. В ноябре 1921 г. командующий частями особого назначения Томской губернии. В 1922 г. председатель Томского революционного трибунала. Выбыл из Томской губернии в марте 1923 г.

¹¹⁹ Красное знамя. 1922. 13 марта.

Таким образом, после окончания официального митинга фактически начался неофициальный. Открытое выступление недовольных было подавлено силой.

Начальник милиции Борис Яковлевич Бертуш послал конный отряд разогнать митинговавших возле магазина Второва. Часть милицейского отряда действовала с проспекта Ленина, а другая – с Благовещенского переулка. Милиционеры стреляли в людей. От трех винтовочных пуль¹²⁰ погиб коммунист и чекист Батури¹²¹. 12 марта губернский комитет РКП(б) санкционировал арест всех виновных в стрельбе. Губисполком поручил отделу юстиции найти виновных¹²². В рапорте Бертуша от 14 марта 1922 г. утверждалось, якобы интеллигент В.И. Анучин¹²³ провоцировал толпу¹²⁴. Следствие поддержало эту версию, хотя Анучина там не было¹²⁵.

Через неделю губернская юстиция освободила Бертуша из-под стражи. Теперь Фемида утверждала, что первые выстрелы прозвучали из толпы и, лишь после этого милиция стала стрелять в ответ¹²⁶. Несколько свидетелей утверждали, что В.И. Анучина в толпе не было, да и милиционеры не могли его знать. Однако милиционер и коммунист Вольский настаивал, что видел В.И. Анучина на митинге. Милиционерам виновникам стрельбы: Коркину Емельяну Алексеевичу, Ерохину Николаю Ивановичу, Корольчуку Степану Алесеевичу, Майорову Сергею Павловичу объявили наказание в виде шестимесячного заключения условно¹²⁷. Организаторы митинга: И.Г. Макаренко, Р.М. Азарх и В.И. Репин обвинили в случившемся только начальника томской городской и уездной милиции Бориса Бертуша, которому вынесли общественное порицание¹²⁸. Следует отметить, что стрельба повторилась на том же самом месте, где в 1905 г. казаки разгоняли рабочих и студентов.

¹²⁰ ГАТО. Ф.Р.-236. Оп.2. Д.91. Л.1.

¹²¹ ИЗ истории земли томской. 1921-1924. С.88.

¹²² ГАТО. Ф.Р.-236. Оп.2. Д.91. Л.133.

¹²³ Анучин Василий Иванович – известный сибирский этнограф.

¹²⁴ ГАТО. Ф.Р.-236. Оп.2. Д. 91. Л.24.

¹²⁵ Дмитриенко Н.М. День за днем. Указ соч. С.87.

¹²⁶ ГАТО. Ф.Р.-236. Оп.2. Д.91. Л.137-140.

¹²⁷ ГАТО. Ф.Р.-236. Оп.2. Д.91. Л.67.

¹²⁸ Дмитриенко Н.М. День за днем... Указ. Соч. С.87.

Вожди коммунистов требовали решительных действий против священников. 13 марта 1922 г. Л.Д. Троцкий писал В.И. Ленину, что у РПЦ практически ничего не изъято. Р.М. Азарх¹²⁹ от имени редакции газеты «Красное знамя» повторила мысль Льва Давыдовича: «Церковь до сих пор не сделала в пользу голодающих и сотой доли того, что она должна была сделать»¹³⁰. 13 марта 1922 г. пасторское собрание без епископа обсуждало проблему конфискации церковных ценностей. 14 марта 1922 г. благочинное собрание выясняло, какие ценности можно изымать. Редакцию губернской газеты спрашивали, почему ценности забирают только из православных храмов. Р.М. Азарх поспешила ответить, что у православных наибольшее количество ценностей, а изымать будут у всех. В апреле 1922 г. губернский отдел юстиции за 3 дня пересмотрел описи всех церквей и отметил вещи из благородных металлов. Чиновники сравнивали описи: до 1917 г., 1920 и 1921 годов¹³¹. Через два дня после митинга была организована специальная комиссия по изъятию церковных ценностей, которая потребовала от служителей культа инвентарные храмовые книги.

Реквизиция дорогих вещей из храмов возмутила верующих России. 15 марта 1922 г. произошел печально знаменитый расстрел в городе Шуе Ивановской губернии. Конфискация церковного золота и серебра приостановилась. 17 марта 1922 г. Л.Д. Троцкий направил записку членам Политбюро с требованием активизации изъятия церковных ценностей¹³². В.И. Ленин также поспешил занять жесткую позицию. 19 марта 1922 г. глава государства дал секретную директиву «провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед

¹²⁹ Азарх Раиса Моисеевна (1897-1971), член РСДРП с 1917 г., окончила медицинский факультет Харьковского университета. Участница гражданской войны, начальник санитарной службы 5-й армии. В Томске работала в редакции губернской газеты до мая 1922 г. Училась в Институте Красной профессуры, в 1936-1937 гг. воевала в Испании. Участница ВОВ. В 1947-1954 гг. находилась в заключении.

¹³⁰ Красное знамя. 1922. 6 марта.

¹³¹ ГАТО. Ф.Р.-316. Оп.1. Д.78. Л.5.

¹³² Русская Православная церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и материалы. – М.:1996. С.85.

подавлением какого угодно сопротивления»¹³³. В.И. Ленин считал обстановку голода благоприятной для разгрома РПЦ. Аморален не только сам ленинский план войны против верующих соотечественников, но и методы его осуществления. Таким образом, Л.Д. Троцкий и В.И. Ленин тайно активизировали всероссийскую кампанию по конфискации богатств церкви, и освободили ее исполнителей от всякой ответственности. Намеченная коммунистами цель оправдывала средства ее достижения.

26 и 28 марта 1922 г. газета «Правда» страстно призывала к конфискации богатств церкви. Пропагандистская кампания правящей партии изображалась официальной пропагандой как «возникшее в низах народных масс движение за изъятие церковных ценностей в пользу голодающих». Лидеры церкви однозначно оценивались как враги, а верующее население изображалось темной массой. Если внутри правящей партии деление на верхи и низы резко осуждалось, то применительно к церкви оно приветствовалось. Директивы главной газеты страны фактически не признавали даже советских законов об отделении церкви от государства. «Правда» объявила ценности РПЦ собственностью всей республики. «Этим достоянием, – сообщала газета, – республика вправе распорядиться от имени трудящихся масс». Статьи «Правды» представляли собой директивы ЦК РКП(б) местным партийным комитетам.

На заседании губернского исполкома 13 марта 1922 г. коммунисты обсуждали предварительный состав комиссии по конфискации церковного золота и серебра. Участники заседания пришли к выводу, что нужно требовать от церковных советов инвентарные храмовые книги и по ним проводить реквизицию. В марте 1920 г. губернский совнархоз национализировал епархиальный свечной завод, располагавший каменными зданиями и кладовыми. Он получил название свечной завод №2. В 1922 г. предприятие уже не работало. В феврале 1922 г. Сибирское промышленное бюро Всероссийского

¹³³ В.И. Ленин. Письмо В.М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б). 19 марта 1922 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. №4. С.191.

Совета Народного Хозяйства (Сибпромбюро ВСНХ) утвердило положение об объединении «Сибсвеча», которому передали свечной завод №2¹³⁴. Таким образом, за месяц до реквизиции церковных ценностей в Томске появилась структура, непосредственно подчиненная Сибревкому, для складирования драгоценностей и отправки их в центр.

25 марта 1922 г. Сиббюро ЦК РКП(б) санкционировало изъятие церковных ценностей в регионе. Через три дня закрытое заседание президиума Томского губернского комитета РКП(б) сформировало комиссию по конфискации церковных ценностей. Чтобы скрыть роль партийных структур в разорении церкви, В.И. Ленин требовал от местных властей создавать две комиссии: официальную и неофициальную. В первую входили: Теплов Николай Павлович – председатель губернского исполкома, Кудрявцев Николай Васильевич – председатель губернской комиссии помощи голодающим, Яргин Всеволод Федорович¹³⁵ – заведующий губернским финансовым отделом. Вторая комиссия состояла из сотрудников партийного аппарата и ГПУ. Обе комиссии возглавил Н.П. Теплов, который был членом бюро губернского комитета РКП(б). Н.П. Теплов возглавлял также и томскую уездную комиссию. Аналогичные комиссии были созданы при всех уездных исполкомах Советов. Использование термина «комиссия» внушало иллюзию борьбы всего общества против реакционной церкви. Официально губернский комитет РКП(б) оставался как бы непричастным к грязной работе по ограблению храмов. Позднее, в августе 1922 г., секретарь губернского комитета РКП(б) В.А. Строганов признавал в кругу своих соратников, что члены президиума действовали строго в соответствии с ленинскими указаниями: «Письменных директив по изъятию церковных ценностей мы не давали, и не имели права давать; устно же давались директивы и неоднократно»¹³⁶. В сводке ГПУ за март

¹³⁴ ГАТО. Ф.Р.-58. Оп.1. Д.45. Л.149.

¹³⁵ Яргин Всеволод Федорович член РКП(б) с 1919. До июля 1922 г. зав. губернским финансовым отделом. В ноябре 1923 г. – управляющий отделением госбанка в Томской губернии. В апреле 1923 г. откомандирован в распоряжение Сиббюро ЦК РКП(б), в Сибфинотдел.

¹³⁶ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.71. Л.130.

1922 г. сообщалось о недовольстве кампанией изъятия церковных ценностей по всему Томскому уезду.

Накануне изъятия церковных ценностей в Томске агитационный отдел губкома РКП(б) организовал многочисленные митинги на тему «Голод и церковь». На Кемеровском руднике митинг состоялся 1 апреля 1922 года. Секретарь агитационного отдела райкома Аркадий Федорович Шкляев озвучил основные положения постановления ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Он уверял верующих, что конфискации подлежат лишь те вещи, которые не использовались в богослужении. Священник кемеровской церкви Троицкий одобрил акцию конфискации при условии, что собранные драгоценности будут использованы на нужды голодающих. «Прежде чем брать сокровища церкви, – говорил Зайковский, – следовало ограничить пайки ответственных работников». Кузнецов напомнил, что во времена Христа церковь не стремилась к роскоши. Кузин предлагал последовать его примеру: отдать своего теленка и тем самым выкупить священные сосуды. Белоглазов призывал, безусловно, выполнить постановление ВЦИК. Против конфискации отважились проголосовать только 9 участников митинга¹³⁷.

Верующие добровольно сдавали пожертвования в пользу голодавших. Однако эти факты власти старались, как правило, не фиксировать. В марте 1922 г. прихожане Иоанно-Лествичниковской церкви пожертвовали несколько серебряных вещей. В апреле 1922 г. община Вознесенской церкви собрала для голодавших Поволжья 266 900 рублей¹³⁸.

Редакция губернской газеты копировала центральную прессу. 3 апреля 1922 г. Р. Азарх объясняла читателям губернской газеты последние установки «Правды»: «Советская власть, рабочие и крестьяне дали во временное пользование свое народное достояние верующим, но в то время когда оно им было не очень остро нужно и было возможно как-нибудь перебиться». Далее Раиса Моисеевна поясняла, что как только приступили к восстановлению

¹³⁷ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.436. Л.889.

¹³⁸ Красное знамя. 1922. 4-5 апреля.

экономики, к ликвидации голода в Поволжье, так имущество церкви и понадобилось. В этом же номере газеты помещена статья, якобы красноармейцев, (фамилии не указаны) с требованием скорее начать конфискацию богатств церкви. Газета писала о страшном голоде, о случаях людоедства в Поволжье. 4 апреля 1922 г. «Красное знамя» перепечатало постановление ВЦИК от 3 февраля 1922 г. о конфискации храмового золота и серебра. В этот же день «Правда» призывала коммунистов к решительной борьбе против РПЦ: «Будущий историк вскроет и покажет те крепкие нити, которыми связаны сейчас наши главари церковного заговора с заграничным черносотенным духовенством, а не с буржуазией даже, а с помещиками-монархистами, с так называемыми великими князьями во главе». Жупел мифического заговора служителей культа широко использовался в коммунистической пропаганде. Коммунистическая пропаганда и насилие шли параллельно.

С 4 по 18 апреля 1922 г. губком РКП(б) провел в Томске несколько митингов на тему «Церковь и голод»: в Интимном театре, в актовом зале университета, в клубе имени К.А. Тимирязева, в Рабочем дворце, на станции Томск II. Агитационный отдел Тайгинского райкома РКП(б) провел 8 антирелигиозных собраний, причем одно – специально для женщин. Митинги и собрания культивировали ненависть к церкви. Губернская власть не сообщала священникам текст декрета об изъятии церковных ценностей. Документ стал известен служителям культа только 4 апреля 1922 года. Неизвестность породила опасения; что и как будет изыматься? Если власть подчеркивала необходимость насильственной реквизиции церковных ценностей, то православные священники говорили о добровольном пожертвовании христиан в пользу голодавших. Изъятие церковных ценностей в Томске началось 5 апреля 1922 г. с главного храма Томска – Троицкого кафедрального собора. Люди протестовали и требовали общего собрания верующих. Врач Беликов возмущался «обдиранием церкви» коммунистами. Члены комиссии забрали золотой крест весом 635,63 гр. с камнями (126 бриллиантов и 110 изумрудов)

две покрышки от Евангелия весом 12 фунтов 89 золотников, сосуд потир с прибором 7 фунтов 40 золотников и прочее. Из собора унесли более 12 кг. серебра. 6 апреля комиссия пришла в Иоанно-Предтеченский монастырь и Архиерейскую церковь, 10 апреля – в Никольскую, 12 апреля – в Благовещенский Старый собор.

Из Крестовоздвиженской церкви коммунисты изъяли 12 серебряных предметов¹³⁹. В тот же день Н.П. Теплов и В.Ф. Яргин подписали акт о реквизиции серебряных вещей из закрытого Иоанно-Предтеченского женского монастыря¹⁴⁰. 10 апреля 1922 г. из Благовещенского старого собора члены комиссии изъяли два больших серебряных креста, а из Алексеевского мужского монастыря – большой потир. Из Хоральной синагоги члены комиссии унесли 10 досок Скрижалей Завета, шесть указателей, один бокал, две серебряные стоянки и прочее. В Солдатской синагоге, в Польском костеле и Старообрядческом храме драгоценных предметов не оказалось¹⁴¹.

В кафедральном соборе против изъятия церковных ценностей выступал профессор Я.Я. Галахов, в Богоявленской церкви – священник К.В. Лебедев. Член правящей партии Раиса Азарх призывала запомнить имена не согласных: «С ними нам еще придется встретиться в борьбе за строительство пролетарского государства»¹⁴².

5 апреля 1922 г. губернская газета опубликовала постановление совета церкви Иоанно Лествичника от 20 марта 1922 г. о передаче в пользу голодавших Поволжья серебряных вещей. Служители культа возмущались действиями властей, но активного сопротивления вооруженным коммунистам не оказали. В апреле 1922 г. в Кемеровской церкви члены комиссии конфисковали 18 предметов, преимущественно серебряных. Из двух православных храмов в городе Тайга коммунисты унесли более 14 кг. серебра. Комиссию по изъятию возглавлял секретарь тайгинского райкома РКП(б) И.И.

¹³⁹ Красное знамя. 1922. 10 апреля.

¹⁴⁰ ГАТО. Ф.Р.-430. Оп.1. Д.37. Л.30.

¹⁴¹ Красное знамя. 1922. 10 апреля.

¹⁴² Красное знамя. 1922. 13 апреля.

Воскресенский¹⁴³. Он принес в райком РКП(б) конфискованное в церкви кадило и шутливо размахивал им.

Илья (Иракий) Попов, настоятель закрытого мужского монастыря спрятал в двух кладовых ценные иконы и крест епископа. Однако сотрудники ГПУ обнаружили тайник. При обыске в квартире священника Богоявленской церкви Вячеслава Попова спецслужба изъяла 17 культовых предметов. Обыски и изъятия церковных вещей проводились сотрудниками ГПУ также в домах верующих¹⁴⁴. Снятие серебряных риз с икон было отложено до 26 апреля 1922 г. ввиду наступления православной Пасхи. До 26 апреля только 3 церкви сдали серебряные ризы.

Губернский комитет РКП(б) посчитал результаты конфискации недостаточными и прибег к угрозам. 9 апреля 1922 г. коммунисты организовали в Томске очередной митинг, на который строем через весь город прибыли вооруженные военные части. Впереди военных шли дети, временно эвакуированные в Томск из Поволжья. Митинг открыл Н.П. Теплов. Председатель губернского исполкома Совета отметил, что комиссия везде наталкивалась на глухое сопротивление духовенства. Организаторы действия подготовили выступление мальчика из Поволжья. Ребенок просил взрослых скорее собрать церковные ценности на помощь голодным. Военные выступили более резко: «Мы не просим, а требуем этого. Командные курсы всегда придут на помощь комиссии по изъятию». Угрозы военных возымели действие. Священники и миряне не решились на открытое сопротивление конфискации.

В мае 1922 г. пленум губернского исполкома Совета заслушивал отчеты уездных руководителей о конфискации церковного серебра. Председатель исполкома Щегловского уезда сообщил о конфискации 20 фунтов серебра. Представитель Кузнецкого уезда коммунист Максимов доложил: «Об изъятии

¹⁴³ Воскресенский Иван Иванович 1896 г. р., образование среднее, учился на медицинском факультете, член РКП(б) с 1921 года. В октябре 1921 г. возглавлял Томский уездный секретариат РКП(б), в 1922-1923 гг. – райкомы РКП(б) в Тайге и Прокопьевске. С апреля 1924 г. зав. агитационным отделом Томского уездного комитета РКП(б). В сентябре 1925 г. получил разрешение на выезд из Сибири.

¹⁴⁴ ГАТО. Ф.Р.-236. Оп.2. Д.96. Л.6,7.

церковных ценностей говорить не приходится, так как после партизанских отрядов в Щегловском уезде не осталось не только ценностей, но и церквей». В Кольчугино ценности церкви были также разграблены партизанами еще в конце 1919 года. В Тайге золота не оказалось, а серебра собрали около 16 кг.

В мае 1922 г. Е.М. Ярославский подвел первые итоги изъятия церковных ценностей в Сибири. Томские товарищи были отмечены им как лучшие. Особой похвалы Е.М. Ярославского удостоилась редакция газеты «Красное знамя» и организаторы внушительной антирелигиозной демонстрации¹⁴⁵. В мае 1922 г. коммунисты ликвидировали домовую церковь при университете. Демонтажем иконостаса занимался сотрудник губернского бюро Истпарта Н.Н. Бакай¹⁴⁶. Ценности университетской церкви передали на временное хранение в Кафедральный собор. Дорогие вещи изымались также из закрытых в 1920 г. домовых церквей.

4 мая 1922 г. Политбюро с участием В.И. Ленина постановило привлечь патриарха Тихона к суду и «применить к попам высшую меру наказания»¹⁴⁷. Тем временем в Москве уже заканчивался судебный процесс над участниками протеста в городе Шуе. В Томске заметно усилились нападки на епископа Виктора (Богоявленского Всеволода Семеновича), верного патриарху Тихону. Виктора травили как бывшего чиновника царского министерства народного просвещения, областника, беженца из центральной России, сквернословия и курильщика. При этом сотрудники газеты «Красное знамя» не стеснялись в выражениях.

27 мая 1922 г. комиссия посетила в Томске лютеранскую кирху, две мечети, а 2 июня 1922 г. – мужской монастырь. Золота и серебра обнаружено не было. Осмотром лютеранской кирхи руководили Кудряшов и Андрейко. От верующих присутствовал пастор Генрих Гессе, Шефтер Бернас, Гольд. Мечети проверяли: член губернской комиссии по изъятию Кудряшов и председатель

¹⁴⁵ Известия Сиббюро ЦК РКП(б). 1922. №48. С.8.

¹⁴⁶ Бакай Николай Никитович с 1920 по 1927 заведовал Томским губернским архивным управлением. Проживал в квартире физического корпуса Томского технологического института.

¹⁴⁷ Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет. В 2-х книгах. Кн. 1. –М.: Изд-во «Новости», 1999. С.119.

Рабкрина Андрейко. При этом присутствовали члены совета мечетей Фазлутдин, Ахметзянов, Хамитов. Настоятеля мужского монастыря заранее предупредили, что комиссия будет осматривать, прежде всего, приносную икону Николая Чудотворца¹⁴⁸.

Весной 1922 г. губернская власть потребовала от РПЦ сдать все ризы в местный финансовый отдел. Многие ризы были украшены драгоценными камнями. К 5 мая 1922 г. 8 церквей сдали ризы. Только одна Воскресенская церковь лишилась 14 риз общим весом более 48 килограммов.

Оперативное руководство антирелигиозной кампанией осуществлял агитационно-пропагандистский отдел губернского комитета РКП(б) в составе: Аркадия Петровича Марцинковского¹⁴⁹, Раисы Моисеевны Азарх, Василия Корниловича Жарикова¹⁵⁰, Абдурахмана Халлиуловича Даутова. В мае 1922 г. ЦК РКП(б) отозвал Р.М. Азарх в Москву, а через три месяца и В.К. Жарикова. В августе 1922 г. с трибуны губернской партийной конференции А.П. Марцинковский похвалился: «Наша пропаганда среди рабочих и красноармейцев воспринимается всюду восторженно»¹⁵¹. При этом Марцинковский умолчал, что восторг малограмотных людей – явление временное. А.П. Марцинковский ездил в ЦК РКП(б) с докладом об итогах борьбы с религией и буржуазной идеологией в Томской губернии. К сожалению, текст этого доклада остается пока недоступным для историков. В апреле 1923 г. А.П. Марцинковского отозвали на пост секретаря Новониколаевского губернского комитета РКП(б). В это же время Томск покинул И.Г. Макаренко.

30 мая 1922 г. епископ Виктор обратился к верующим епархии. Ссылаясь на распоряжение патриарха Тихона от 29 марта и 11 апреля 1922 г., он призвал:

¹⁴⁸ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.493. Л. 57; Д.442. Л.14.

¹⁴⁹ Марцинковский Аркадий Петрович (Абрам Моисеевич) 1888-1923 гг., из рабочих, образование среднее, член партии с 1904 г. В Красной армии занимал должности председателя ревтрибунала фронта, начальника особого отдела 5-й армии. Во второй половине 1920 – начале 1921 г. возглавлял Иркутскую губернскую ЧК. С февраля 1922 г. заведовал агитационно-пропагандистским отделом губернского комитета РКП(б).

¹⁵⁰ Жариков Василий Корнилович. Землемер и педагог, в партии с 1921 г. В феврале 1922 г. заведующий агитационным отделом второго райкома Томска. В августе 1922 г. откомандирован в Москву.

¹⁵¹ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.71. Л.126.

«Не допускать прямого насилия и даже кровопролития, противодействия власти»¹⁵². Виктор убеждал христиан не доверять лицам, возбуждавшим массу против евреев. Значительный процент евреев среди советских и партийных чиновников усиливал антисемитские настроения среди жителей Томска. Виктор опасался национального погрома, способного породить неконтролируемое насилие и вовлечь верующих в Гражданскую войну.

В мае 1922 г. губернская газета сообщала о вскрытии мощей Александра Невского, о суде над сторонниками Тихона в Москве. Новый председатель губернского исполкома Совета Гавриил Алексеевич Пискарев требовал от подчиненных ускорить конфискацию церковных ценностей и закончить кампанию к 25 мая. 21 мая 1922 г. губернский комитет получил предписание ЦК РКП(б) завершить изъятие церковного золота и серебра к 1 июня 1922 г. и начать подготовку к кампании против партии социалистов-революционеров¹⁵³. Таким образом, в июне 1922 г. в Томской губернии произошло наложение одной кампании на другую. Провинция не успевала за инициативами центра. В городах кампания по изъятию в основном завершилась, а в уездах – продолжалась.

8 июня 1922 г. из университетской церкви забрали: 13 риз, 81 аршин синего сукна, две ковровые дорожки, 11 ковров, 6 буковых стульев, 6 табуреток, тумбочку и деревянную лестницу. В сентябре 1922 г. реализацию этих вещей поручили Василию Михайловичу Бархатову¹⁵⁴. Из домового церкви при факультетской клинике, закрытой в 1920 г., увезли: иконостас, серебряные лампы, бронзовую лампаду, бронзовый подсвечник, Евангелие, металлические тарелки, панихидный прибор, венские стулья. 15 декабря 1922 г. из домового Архиерейской церкви забрали: более 33 кг. серебра, 10 бриллиантов, российских серебряных монет на сумму 3 руб. 75 коп¹⁵⁵. Следует

¹⁵² ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д. 371. Л. 18, 20.

¹⁵³ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.70. Л. 19.

¹⁵⁴ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.442. Л. 84.

¹⁵⁵ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д. 712. Л. 7; Д.100. Л.176.

учитывать, что в Архиерейской церкви хранились ценности, конфискованные из других мест в 1920-1921 годах.

Изъятие церковных ценностей вдали от Томска шло не так активно. В мае 1922 г. томская уездная комиссия по конфискации церковного имущества назначила несколько уполномоченных для обследования церковного имущества в волостных центрах. 27 апреля 1922 г. из церкви Кемеровского рудника члены комиссии забрали 18 предметов, преимущественно серебряных. 2 мая 1922 г. акция продолжалась в Кемерово, а 9 мая – в городе Тайга. Вопреки ранее данным заверениям, комиссия изымала из храмов и те вещи, которые использовались при церковных службах.

7 мая 1922 г. в Знаменской церкви Мариинска протоиерей Юрьев, прихожане Николай Бухтнарв, Иван Казаков, Иван Дулик собрали около 40 верующих и не позволили комиссии забрать церковные ценности. На следующий день церковь окружили войска ГПУ и Части особого назначения¹⁵⁶ (ЧОН). Опираясь на поддержку военных, комиссия провела конфискацию¹⁵⁷. 31 мая 1922 г. в селе Тутальском верующие во главе со священником Борисом Стацевичем не пустили в церковь уполномоченного Иосифа Георгиевича Вежана для изъятия культовых предметов. Комиссия смогла провести конфискацию только через неделю.

К концу мая 1922 г. из церквей Щегловского уезда конфисковали 31 кг. серебра и монет царской чеканки на сумму 248, 5 рублей¹⁵⁸. В июне 1922 г. церковные ценности изымали в селах Протопопово, Болотное, Корнилово, в рабочем поселке Судженск. В некоторых селах изъятие шло с большими трудностями, и комиссия просила выделить военный отряд. В селе Болотном протест населения не позволил коммунистам с первого раза забрать ценности церкви. Из церкви села Поломошное 27 апреля 1922 г. конфисковали 8 серебряных вещей: сосуд, дискос, лжицу, звездницу, шесть тарелочек, большой

¹⁵⁶ Военные части, созданные для подавления антисоветских восстаний. Комплектовались из коммунистов.

¹⁵⁷ ГАТО. Ф.Р.-236. Оп.2. Д.96. Л.7-8.

¹⁵⁸ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.442. Л. 19, 25.

и малый кресты и коврик. В селе Протопопово Спасской волости забрали 12 предметов, а в Болотном – 11. Изъятие церковных ценностей в селе Корнилово Томского уезда 13 июня 1922 г. проводил уполномоченный уездной комиссии И.Г. Вежан. Его распоряжения выполняли председатель волостного комитета помощи голодающим Пентелюк и председатель сельсовета Каменев. От верующих присутствовал священник Барсук и член церковного совета Карманов. В селе Казанка Новокусковской волости Томского уезда изъятие проводили: заместитель председателя волостного комитета помощи голодающим П. Баюшев и председатель сельсовета Быков. От группы верующих присутствовали: Ал. Баюшев, Сергей Чернов и Семен Киселев. Вся акция, включая составление описи, заняла 4 часа¹⁵⁹.

В июне 1922 г. комиссия конфисковала в Томском уезде более 30 кг. церковных ценностей. В селе Халдеево, по призыву священника Луканина, верующие добровольно сдали ценности. В селе Князе-Михайловском священник Алексеев безуспешно просил комиссию оставить два серебряных креста, купленных на гроши верующих. В селе Новомихайловском во время изъятия ценностей священник был демонстративно «нем и глух». В селе Кузовлево псаломщик Анохин безуспешно пытался спрятать от комиссии серебряные вещи.

7 апреля 1922 г. Сибирский революционный комитет разрешил верующим выкупать культовые предметы из благородных металлов, но только дореволюционными золотыми монетами и серебром 84 пробы. Выкуп церковных ценностей на хлеб и другие продукты Сибревком запретил¹⁶⁰. Верующие выкупали у комиссии культовые предметы на серебряные монеты царской чеканки. 13 июля 1922 г. прихожане Святотроицкой церкви села Кунчук Киряковской волости Томского уезда за два серебряных креста отдали комиссии серебряных рублей и полтинников на сумму 25 рублей. Церковный совет Дмитриевской церкви села Емельяновского Томского уезда сам привез и

¹⁵⁹ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.578 а. Л.42.

¹⁶⁰ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.493. Л. 75.

сдал в Томске несколько серебряных вещей: оклад с большого Евангелия, крест, кадило и ризу.

Документы на право конфискации церковных ценностей выдавал губернский исполком Совета. Например, 3 июня 1922 г. товарищ Кудряшов получил мандат «на предмет изъятия церквенностей во всех приходах Томской епархии»¹⁶¹. Утрата культовых предметов тяжело переживалась верующими. Люди опасались, что священные для них вещи будут переработаны в банковские слитки серебра, пойдут на изготовление портсигаров и украшений. Верующие предлагали советской власти выкупить церковные ценности и оставить их в храмах.

Постановление ВЦИК об изъятии церковных ценностей предписывало учитывать вещи, имевшие художественную ценность. В Томской губернии это постановление не выполнялось. Известен всего лишь один факт. 12 апреля 1922 г. заведующий музеем Александр Нилович Тихонов просил допустить своего сотрудника в кладовую финансового отдела губернского исполкома для осмотра конфискованных ценностей. Однако просьбу музея игнорировали.

Первые итоги реквизиции церковных ценностей были подведены к майскому празднику 1922 года. Николай Павлович Теплов сообщил в Сиббюро ЦК РКП(б) об изъятии на территории губернии 255,9 кг. церковного серебра¹⁶². 11 мая 1922 г. президиум губернского исполкома Совета заслушал доклад Н.П. Теплова о конфискации церковных ценностей. На основе дополнительных материалов глава губернии сообщил об изъятии 640 кг. серебра и около килограмма золота¹⁶³. Через два дня губернская газета опубликовала эти данные¹⁶⁴. К началу июня 1922 г. коммунисты изъяли из церквей губернии около килограмма золота и 987 килограмм серебра, серебряных монет и других ценностей¹⁶⁵. Общее количество конфискованных церковных ценностей в 1922 г. нуждается в уточнении. Если первый бюллетень комиссии по изъятию

¹⁶¹ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.371. Л.16.

¹⁶² ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.442. Л.4.

¹⁶³ ГАТО. Ф.Р.-202. Оп.1. Д.379. Л.76.

¹⁶⁴ Дмитриенко Н.М. День за днем... Указ. Соч. С. 188.

¹⁶⁵ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.712. Л.7; Д.100. Л. 176.

называл вес конфискованных предметов из золота и серебра, то третий – только перечислял их¹⁶⁶. Не указывалась стоимость драгоценных камней, золотых и серебряных монет, медных колоколов и прочего. Уездные комиссии фиксировали лишь количество конфискованных предметов.

По мнению председателя губисполкома, жители не проявили особого недовольства по поводу изъятия церковных ценностей, но со стороны духовенства «была встречена довольно сильная оппозиция»¹⁶⁷. Н.П. Теплов считал своей заслугой бескровную конфискацию богатств местных храмов. Защита верующими дорогих для них предметов была слабой и ненасильственной. Тем не менее, антирелигиозная пропаганда коммунистов велась в духе продолжения Гражданской войны. Заголовки губернской газеты копировали центральную прессу: «Черносотенная клика», «Святейшая контрреволюция», «Церковь и кровь», «Лжепророки». Вопреки фактам советский историк Л.И. Боженко утверждал, что редакция газеты «Красное знамя» «умело и тактично, не оскорбляя чувств верующих» провела кампанию по изъятию церковных ценностей¹⁶⁸. Кампания против церкви продвигалась усилиями центральной власти. Утверждение историка И.Д. Эйнгорна о широком народном движении за изъятие церковных ценностей заимствовано из материалов газеты «Правда» 1922 г. и не соответствует действительности. При этом И.Д. Эйнгорн ссылаясь на агитационные брошюры 1920-х годов, где о Сибири даже не упоминалось¹⁶⁹.

Итак, золото, серебро и драгоценные камни были вывезены в столицу. Перевозка конфискованных церковных ценностей в Москву осуществлялась за счет средств центральной комиссии Помгола. 5 августа 1922 г. президиум губисполкома назначил Кудряшова сопровождать церковные ценности в Москву. Ему выдали аванс 30 000 рублей и отпуск на три недели. В Томске выявили также 819 кг. церковных ценностей, эвакуированных из Прибалтики

¹⁶⁶ Красное знамя. 1922. 10, 12 апреля.

¹⁶⁷ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д. 100. Л.176.

¹⁶⁸ Боженко Л.И. Культурно-просветительная работа в Сибири в восстановительный период (1921-1925 гг.). – Томск, Изд-во ТГУ, 1967. С.51.

¹⁶⁹ Эйнгорн И.Д. Указ. Соч. С.110.

до 1917 года. В октябре 1922 г. губисполком готовил возвращение ценностей в центр. Ответственным за акцию назначили Афанасия Даниловича Фонского и Анну Петровну Вальдман.

В начале кампании по изъятию церковных ценностей речь шла только о драгоценных металлах. Однако, комиссии забирали все, по их мнению, ценное: колокола, мебель, ткани, оконные рамы, медные крестики, книги и прочее. Если золото и серебро сразу отправили в столицу, то судьбу остального, менее ценного конфиската не могли определить почти полгода. Только 21 декабря 1922 г., комиссия по изъятию церковных ценностей решила, что передать советским учреждениям, а что «распродать задешево»¹⁷⁰. В феврале 1923 г. губернская комиссия по изъятию церковных ценностей (Бархатов, Бонк, Терентьев, Никонов) объявила о распродаже церковной утвари со склада (угол улицы Ленина и Совпартшкольного переулка)¹⁷¹. 15 мая Томский уездный комитет РКП(б) просил продать ему подешевле изъятые церковные имущество для постановки спектаклей. Некоторые вещи комиссия отдала бесплатно культурно-просветительному отделу Панчинской волости.

Менее дорогие церковные предметы хранились на складах Объединения государственных свечных заводов («Сибсвеча»), подчиненному Сибирскому промышленному бюро ВСНХ. Основной склад размещался в Томске, по адресу Карла Маркса, 14. В этом же здании находилась томская контора «Сибсвечи» и губернский совнархоз. На Совпартшкольном переулке располагался второй склад, в котором с 9 до 15 часов распродавалось церковное имущество. Цены указывались в довоенных золотых рублях, а продажа осуществлялась на советские денежные знаки 1922 г., курс которых постоянно падал. Чтобы привлечь покупателей «весьма дешёвыми ценами», было дано объявление в газету «Красное знамя». Конфискованное церковное имущество хранилось также в бывшей Архиерейской и университетской церквях. Однако из этих мест торговля не велась.

¹⁷⁰ Из истории земли томской. 1921-1924. С.125.

¹⁷¹ Из истории земли томской. 1921-1924. С.136.

Бывшие церковные ценности быстро находили новых хозяев. Описи конфискованного использовались Губпоследголом как каталоги, по которым проводилась раздача вещей советским учреждениям или продажа частным лицам. Раздел дефицитного имущества порождал конфликты. Так, 21 октября 1922 г. Губпоследгол просил губернский отдел юстиции вернуть ему ковер красного цвета и красную скатерть, взятые из университетской церкви 3 июля 1922 года. Однако председатель суда Шалаев ответил Губпоследголу: «Выдать сукно не представляется возможным, т. к. придется решать дела на голом столе»¹⁷². 9 ноября 1922 г. помощнику военкома 6-й артиллерийской школы Николаю Николаевичу Федорову выдали: скатерть красного цвета, 9 ковров, завесу царских дверей¹⁷³. 30 апреля 1923 г. Томское губернское земельное управление просило Последгол выдать 8 аршин позумента и две кисти для изготовления знамени к 1 мая 1923 года¹⁷⁴.

Коммунисты не только раздавали Церковное имущество, но и пытались продавать его за пределы Томска. 26 декабря 1922 г. Губпоследгол предлагал Гурьевскому заводу в Кузбассе церковные колокола по цене 9 600 рублей за пуд, подсвечники и лампы – по 7 500 рублей. Высокий уровень инфляции и бюрократизм препятствовали подобного рода сделкам. Если государственные организации не спешили покупать медные колокола, то верующие проявляли инициативу. Крестьяне пытались спасти колокола, выкупив их за серебряные монеты царской чеканки или за зерно. В апреле 1922 г. церковная община села Ипатовского Томского уезда просила отдел управления губисполкома передать ей во временное пользование колокола закрытой церкви женского монастыря на заимке¹⁷⁵. Верующим отказали. В декабре 1922 г. крестьяне села Мишутино и Дубровино, Дубровинской волости Мариинского уезда (представитель Баранов Иван Григорьевич), пытались выкупить у Помгола 4 медных колокола с Архиерейской домово́й церкви. Селяне внесли более 93 рублей золотыми и

¹⁷² ГАТО. Ф.Р-173. Оп. 1. Д. 422. Л. 166.

¹⁷³ ГАТО. Ф.Р-173. Оп. 1. Д. 442. Л. 173.

¹⁷⁴ ГАТО. Ф.Р-173. Оп. 1. Д. 442. Л. 374.

¹⁷⁵ ГАТО. Ф.Р-173. Оп. 1. Д. 493. Л. 2.

серебряными монетами царской чеканки и сдали по государственным ценам 5 552,8 кг. зерна и муки. Однако чиновники посчитали, что этих средств недостаточно. 30 декабря 1922 г. Губпоследгол бесплатно отдал три колокола пожарной части Томска¹⁷⁶.

Местная власть довольно быстро раздала советским организациям колокола, ковры, мебель, ткани. Остальное менее ценное для коммунистов имущество, (подсвечники, кадила, кувшины, рукомойники, чайники) было оценено и передано комиссии Губпоследгола для реализации. Например, Евангелие в бархате стоило 80 золотых рублей, икона Божьей Матери (фальговый киот) – 40 рублей, икона Серафим Саровский в киоте – 40 рублей, три медных старообрядческих креста – 30 рублей, люстра двенадцатилампадная – 25 рублей, иконы старообрядческие – 5 рублей за пять штук, позолоченная рама – 1 рубль, металлические медали – 30 рублей¹⁷⁷. С 1 октября 1922 г. по 1 февраля 1923 г. было продано вещей на 608 рублей¹⁷⁸. Реализация осуществлялась следующим образом: покупатели просматривали описи имущества с указанием цены товара, оплачивали и по квитанции забирали со склада нужную вещь. Воспроизведем типичный документ того времени: «24 января 1923 г. зав. складом «Сибсвеча». Просьба отпустить гражданину Дмитриеву две иконы №98 и №90. Деньги уплочены под квитанцию»¹⁷⁹.

С 1 октября 1922 г. по 15 марта 1923 г. Губпоследгол продал церковной утвари на 20 336 руб. 40 копеек советскими денежными знаками 1922 года. Церковные вещи не только продавались, но и обменивались на продукты. Таким путем Губпоследгол получил более 800 кг. ржи, 704 кг. ржаной муки, 4 914 кг. просовой крупы. В апреле 1923 г. губернский финансовый отдел заинтересовался доходами Последгола и потребовал уплаты налога с продаж. Сибревком предписал томским властям не препятствовать торговле «Сибсвечи», поскольку она подчинялась Сибпромбюро ВСНХ. В мае 1923 г.

¹⁷⁶ ГАТО. Ф.Р-173. Оп. 1. Д. 442. Л. 183, 188.

¹⁷⁷ ГАТО. Ф.Р-173. Оп. 1. Д. 442. Л. 211-223.

¹⁷⁸ ГАТО. Ф.Р-173. Оп. 1. Д. 442. Л. 212.

¹⁷⁹ ГАТО. Ф.Р-173. Оп. 1. Д. 422. Л. 202.

объединение «Сибсвеча» готовилось к ликвидации и спешно распродало имущество.

В ноябре 1923 г. Совнарком РСФСР специальным постановлением упорядочил процесс реализации менее ценного церковного имущества, изъятого в 1922 году. С мая 1925 г. началась очередная кампания по учету имущества закрытых церквей Томска. Акцией руководил уполномоченный губернского исполнительного комитета Совета (ГИК) М.К. Колдунов. Проверяли все советские учреждения, где могли оказаться конфискованные церковные ценности. М.К. Колдунов лично, в присутствии директора театра, пересмотрел содержание всей костюмерной. Чиновник выявил 238 церковных вещей, ранее переданных в театр из Дома просвещения¹⁸⁰. В августе 1925 г. губернскую комиссию по ликвидации культового имущества возглавил Коновалов, а Колдунов стал его заместителем. Комиссия продолжала распродажу церковного имущества. Верующим Томска предлагали 111 культовых предметов бывшей тюремной церкви (ул. Советская) за 119 руб. 50 копеек. Часть имущества оставалась на прежнем месте. При этом администрация тюрьмы перечислила в казну 25 рублей¹⁸¹.

Из домового церкви при психиатрической лечебнице сдали в ГОХРАН¹⁸² 6 серебряных вещей, стоимостью 25 довоенных рублей. Другие церковные предметы, так называемые неосвященные, на сумму 164 руб. 5 коп. решили распродать. Колокола, обнаруженные в Доме просвещения и детском доме №2, комиссия передала для реализации губернскому экономическому совещанию. Имущество церкви на заимке Степановка, находившееся в ведении педагогического техникума, продали верующим за 156 руб. 40 копеек¹⁸³. Культовые предметы домового церкви университета оценили в 3 049 руб. 5 коп. и выставили на продажу. Местная власть пыталась взять на учет медные

¹⁸⁰ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.591. Л. 12.

¹⁸¹ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1Д.591. Л.84.

¹⁸² Государственное учреждение по формированию государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней. Создано в 1920 году.

¹⁸³ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.591. Л.4.

колокола церквей. Самый большой из 12 колоколов Кафедрального собора Томска весил 5,5 тонн. Однако снимать его коммунисты не решались.

24 апреля 1924 г. заместитель управляющего делами губернского исполкома Совета Л.И. Белорусец предписал завхозу университета выдать члену исполнительного бюро комсомольской ячейки Томского технологического института Лиференко из имущества закрытой университетской церкви необходимые вещи для проведения трехдневной антирелигиозной кампании. Молодежь действовала грубо: распятые поломали, из медного креста вынули искусственные камни, разорвали коленкоровое покрывало, несколько метров ткани вообще не вернули. Завхоз университета пожаловался в губернский исполком на комсомольцев, испортивших государственное имущество. Его жалобу перенаправили в первый райком РКП(б) Томска. Секретарь райкома Константин Алексеевич Монастырев обвинил завхоза в политической безграмотности: «Партком считает необходимым рекомендовать Вам выявлять сугубую осторожность по части огульных обвинений политических и общественных организаций»¹⁸⁴.

Губернский и уездные отделы управления исполкомов сопоставляли описи изъятого церковного имущества по конкретным храмам за различные годы и тем самым выявляли пропажу. Несовершенство описей и порядка выдачи церковного имущества советским учреждениям затрудняли работу ревизоров. Виновниками утраты тех или иных предметов обычно объявляли служителей культа. В мае 1925 г. милиция завела дело по обвинению игуменьи женского монастыря Анастасии в сокрытии ценностей, принадлежавших Успенской церкви и общине монастыря¹⁸⁵. В сентябре 1925 г. на государственном складе Томска хранилось конфискованной церковной утвари на сумму 4 666 рублей 87 копеек в ценах 1914 года. Кроме того, на складе лежали 474 конфискованные церковные книги¹⁸⁶. Коммунисты считали их вредными и не продавали.

¹⁸⁴ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.14. Л.1072.

¹⁸⁵ ГАТО. Ф.Р.-430. Оп1. Д.37. Л.28.

¹⁸⁶ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.591.

4. Суд над священниками

Суд над сторонниками патриарха Тихона в Москве инициировал аналогичные процессы в провинции. В мае 1922 г. в Томске были арестованы епископ Виктор, священники В. Юрьев, Я.Я. Галахов, К.В. Лебедев, врач Беликов и другие. Началось следствие. 24 мая 1922 г. секретарь Томского губкома РКП(б) Василий Андреевич Строганов запретил крестный ход в Томске. Оставшиеся на свободе служители культа вынуждены были пойти на уступки советской власти. 31 мая 1922 г. губернская газета опубликовала заявление священников Воскресенской и Духовской церквей Федора Смиренского, Евгения Удинцева, Ивана Завадовского: «Выемку церковных ценностей мы не признаем кощунственной и святотатственной».

За полтора месяца до суда, руководимая коммунистами газета «Красное знамя» ввела рубрику «Контрреволюция под церковным флагом» и в каждом номере шельмовала арестованных священников. Служителей культа называли «нескрываемыми сторонниками старого режима и врагами рабоче-крестьянской власти». Врач Беликов обвинялся в неправильной трактовке постановления ВЦИК об изъятии богатств церкви, а настоятель Кафедрального собора Галахов, церковный староста Наумов, протоиерей Лебедев – в попытке не подчиниться комиссии по изъятию и применению таких выражений как «обирание» и «обдиранье церкви». Аналогичные обвинения предъявили настоятелю Знаменской церкви протоиерею В. Юрьеву, который обращался к толпе и пытался препятствовать изъятию риз и особо чтимых икон. Протоиерей Константин Лебедев – настоятель Богоявленского храма – сомневался в том, что конфискованные церковные ценности пойдут на помощь голодавшим. Он утверждал: «Власть свои слова, что предоставляет свободу религии, не проводит в жизнь, сама борется с верой (например, карикатуры над Православной верой, а карикатуры над раввином я в Томске не видел) рассылает по деревням агитаторов». По мнению К. Лебедева, атеистическую пропаганду можно было вести благородно и не так грубо, и не с такими

признаками издевательства. К. Лебедев осуждал увольнение из коммунистической партии верующих людей¹⁸⁷. Газета подробно излагала это заявление как образчик контрреволюционных взглядов.

В обвинительном заключении перечислялись все действия священников после революции 1917 года. Например, убийство комиссара Кривоносенко в ограде женского монастыря в мае 1918 года. Обвинитель утверждал, что Богоявленский, с момента появления в Томске, проводил контрреволюционную работу, вселяя проповедями в сознание людей надежды на непрочность советской власти. В июле 1922 г. следствие обвинило священников в срыве кампании Помгола, противодействии изъятию церковных ценностей и агитации среди населения. Якобы, священники объединились в контрреволюционную террористическую организацию с целью свержения советской власти¹⁸⁸.

8 июня 1922 г. ГПУ обнародовало новый список обвиняемых: священник В.В. Попов, церковный староста Богоявленской церкви П. Нестеров, настоятели Ново-Павловской и Никольской церквей Н. Климов, М. Хитровский. При этом сообщалось, что арестованные «являются нескрываемыми сторонниками старого режима и врагами рабоче-крестьянской власти». Одновременно губернская газета опубликовала новые обвинения против основного фигуранта предстоящего процесса – епископа Виктора. Ему инкриминировали отступление с армией А.В. Колчака до Иркутска, переход на службу эсеровскому правительству, притеснения обновленцев, оскорбление женщин и так далее.

10 июля 1922 г. следствие по делу томских священников завершилось. Президиум губкома РКП(б) назначил состав суда: И.Г. Макаренко, В.Ф. Беляева¹⁸⁹, В.П. Шевелева-Лубкова¹⁹⁰. Защиту представляли: Ган, Зеленин и

¹⁸⁷ Красное знамя. 1922. 8 июня.

¹⁸⁸ ГАТО. Ф.Р.-316. Оп.1. Д.78. Л.19.

¹⁸⁹ Беляев Василий Федорович (1893-1938). Работал слесарем в Самаре. Член РСДРП с 1914 г., подпольщик. С июня 1921 г. сотрудник Томской ЧК. С февраля 1922 по февраль 1923 г. возглавлял губернскую ЧК, затем ОГПУ. Откомандирован из Томской губернии в марте 1923 г.

¹⁹⁰ Шевелев Василий Павлович (партизанская кличка – Лубков). (?-1938). Житель деревни Шипицыно Титовской волости Щегловского уезда. Участник Первой мировой войны, подпрапорщик, награжден Георгиевским крестом. Большевик с 1917 г. В декабре 1919 г. был избран командующим партизанской армией Мариинского, Кузнецкого и Щегловского уездов. За боевые заслуги награжден орденом Красного знамени.

Дюков. Верующие считали предстоящий суд расправой. Редакция газеты «Красное знамя» пыталась уверять читателей в обратном: «Этот суд не является каким-то гонением на веру и Православную церковь, как это толкуют многие враги рабоче-крестьянской власти, а есть справедливейший акт суда над лицами, обвиняемыми в непримиримой контрреволюции... Даже глубоко верующие должны с полным доверием отнестись к составу пролетарского суда и помнить, что последний судит не с предвзятой заранее мыслью о виновности сидящих на скамье подсудимых»¹⁹¹. В это время агитационный отдел губернского комитета РКП(б) действовал особо активно. Для докладчиков были подготовлены специальные тезисы на тему «Суд над черносотенным духовенством». 17 июля 1922 г. коммунисты провели в городе три массовых митинга, а на следующий день – 20 собраний в трудовых коллективах и советских учреждениях. Участники собраний одобрили заранее подготовленные резолюции с требованиями смертной казни для подсудимых¹⁹².

15 июля 1922 г. Томский революционный трибунал начал суд над священниками и прихожанами, продолжавшийся неделю¹⁹³. Люди могли попасть в зал суда только по специальным билетам. Красноармейцам билеты выдавал заместитель начальника гарнизона, а всем остальным – старший секретарь губернского трибунала¹⁹⁴. Таким образом, в зале суда оказались люди только социально близкие советской власти. Всего по делу привлекалось 33 человека: Богоявленский Всеволод Семенович (Виктор), Лебедев Константин Владимирович, Никольский Александр Иванович, Хитровский Михаил Яковлевич, Галахов Яков Яковлевич, Климов Николай Степанович и другие. Коммунистический суд стал акцией мести партии власти своим политическим противникам. Защитник Николай Александрович Дюков говорил, что понятие «контрреволюционная деятельность» предполагает

См.: «Сибирская Вандея». Т.1. М.,2000. С. 29.

¹⁹¹ Красное знамя. 1922. 13 июня.

¹⁹² ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.89. Л.207.

¹⁹³ Дмитриенко Н.М. «Дело Томских церковников» 1922 г. // Социально-политическое развитие Сибири (XIX- XX вв.). Томск: изд-во Том. ун-та, 1993. С.72.

¹⁹⁴ Красное знамя. 1922. 11 июля.

активные действия, а в данном случае было лишь пассивное сопротивление. Защитник Зеленин обратил внимание на незаконность обвинений. Защитник Вицент Яковлевич Викилинский напомнил, что патриарх Тихон не был осужден, поэтому нет оснований объявлять его сторонников преступниками. Защита пыталась обжаловать приговор. Дело верующих слушалось по военному отделению советской юстиции. И.Г. Макаренко совмещал должности председателя суда и ревтрибунала. Он вмешивался в канонические споры священников и явно поддерживал обновленцев: Макария Торопова, Аркадия Таловского и Петра Блинова. Еще до вынесения приговора И.Г. Макаренко объявил священников виновными¹⁹⁵. Однако формат трибунала позволял игнорировать мнение защиты.

20 июня 1922 г. трибунал приговорил к высшей мере наказания Богоявленского Всеволода Семеновича (епископа Виктора), Лебедева Константина Владимировича, Галахова Якова Яковлевича за участие в контрреволюционной организации, за противодействие изъятию и сокрытие церковных ценностей. Восемь человек приговорили к трем годам заключения с конфискацией имущества, а девять – к штрафу. Позднее советская власть смягчила наказание первым трем осужденным до пяти лет заключения. При этом, еще до суда, скончалось четверо подсудимых¹⁹⁶: Беликов Степан Иванович – член приходского совета Троицкого кафедрального собора, Рудик Иван Емельянович – церковный староста и служащий кожевенного завода, Токарев Иван Федорович – дьякон церкви села Тутальское и М.Н. Бухтияров. Советские историки Л.И. Боженко и Е.М. Хенкин назвали епископа Виктора «матерым врагом советской власти» и тем самым признали справедливость политически мотивированного приговора¹⁹⁷.

Секретарь Томского губернского комитета РКП(б), видимо, знал секретные директивы кремлевских вождей о разгроме церкви, но мог их

¹⁹⁵ ГАТО. Ф.Р.-236. Оп.2. Д.96. Л.3,30, 78.

¹⁹⁶ Дмитриенко Н.М. «Дело Томских церковников»... С.74.

¹⁹⁷ Боженко Л.И., Хенкин Е.М. Из истории классовой борьбы в начале нэпа // Вопросы истории Сибири. Вып.3. Томск, 1967. С.225-240.

транслировать только для партийного актива и без ссылки на источник. В августе 1922 г. на Мариинской уездной партийной конференции В.А. Строганов сравнил изъятие церковных ценностей с Февральской революцией 1917 г. и призвал коммунистов готовиться к Октябрьской революции, «которая не за горами»¹⁹⁸. Таким образом, томские функционеры планировали новое наступление на религию, в ходе которого служители культа должны были разделить участь буржуазии. 22 августа 1922 г. президиум губернского комитета РКП(б) не разрешил И.А. Анучину прочесть публичную лекцию «Новая церковь», приняв во внимание рекомендацию губернского отдела ГПУ. 6 сентября 1922 г. губернская контрольная комиссия вынесла выговор с предупреждением коммунистам Алексею Пермитину и Петру Яковенко за ходатайство об освобождении арестованных во время изъятия церковных ценностей в Томске¹⁹⁹.

В начале ноября 1922 г. в Томске, в театральном зале Дворца труда начался второй судебный процесс. Обвиняемые были поделены на духовенство и мирян. Организаторы процесса пытались противопоставить одних другим и более жестко покарать священников. Миряне привлекались только за утаивание церковных ценностей. Священники обвинялись в использовании церкви как легальной организации в целях свержения завоеваний пролетарской революции²⁰⁰. Богоявленский, Лебедев, Никольский, Галахов, Хитровский, Беневаденский, Стацевич не признали себя виновными. Вячеслав Попов, Илья Попов, Павел Никольский сознались только в утайке культовых предметов²⁰¹.

Советский суд приговорил к высшей мере наказания: управлявшего Томской епархией Богоявленского Всеволода Семеновича, настоятеля Богоявленского храма Лебедева Константина Владимировича, священника станции Юрга Бориса Стацевича. К восьми годам заключения были приговорены: настоятель Преображенского храма Никольский Александр

¹⁹⁸ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.459. Л.199.

¹⁹⁹ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.75. Л.49.

²⁰⁰ Дмитриенко Н.М. «Дело томских церковников»... Указ. Соч. С.74.

²⁰¹ ГАТО. Ф.Р.-236. Оп.2. Д.96. Л.342.

Иванович, настоятель Петропавловского храма Климов Николай Степанович, настоятель Никольского храма, личный секретарь епископа Виктора Хитровский Михаил Яковлевич. Настоятель Кафедрального собора, профессор богословия Галахов Яков Яковлевич и священник Богоявленской церкви Попов Вячеслав Васильевич были осуждены на 5 лет. Ключаря Нового собора Беневоленского Ивана Александровича приговорили к трем годам заключения²⁰². Суд оправдал женщин, участников протеста против изъятия ценностей в селе Тутальском: Зевакину Агафью Ниловну и Кабанову Марианну Ивановну. В марте 1923 г. Богоявленскому, Лебедеву и Стацевичу расстрел заменили десятью годами лишения свободы. В сентябре 1923 г. Лебедеву сократили срок, а Беневоленскому определили условное наказание²⁰³. Репрессии против церкви в Томской губернии не были каким-то исключением. В 1922 г. по всей стране прошло 250 судебных процессов, сфабрикованных в связи с «сопротивлением изъятию церковных ценностей»²⁰⁴.

Смягчение приговора не означало отмену репрессий. В приговоре от 31 октября 1922 г. и 3-4 ноября 1922 г. говорилось о конфискации имущества. В мае 1923 г. губернский суд начал процедуру конфискации имущества Богоявленского, Лебедева, Стацевича и других. У семьи Лебедевых описали и изъяли: железные кровати, шкаф, кресло, письменный стол, будильник, кальсоны, нательную мужскую рубаху, дамскую шубу, дамское драповое пальто, две смены дамского белья, дамские ботинки, калоши и прочее. В общей сложности 25 вещей²⁰⁵. В июне 1923 г. у Хитровского описали и конфисковали: зеленый занавес, круглый столик, тюлеву скатерть, книги религиозного содержания²⁰⁶. Суд настаивал на распродаже имущества священников с торгов и передаче вырученных средств в губернский финансовый отдел.

Летом 1923 г. священники пытались вернуть через суд конфискованное имущество. Однако возратить удалось далеко не все. Так, Попову и Климову

²⁰² ГАТО. Ф.Р.-236. Оп.2. Д.96. Л.585.

²⁰³ ГАТО. Ф.Р.-236. Оп.12. Д.86. Л.588-589.

²⁰⁴ Шкаровский М.В. Указ. Соч. С. 95.

²⁰⁵ ГАТО. Ф.Р.-236. Оп.1. Д.96. Л.425.

²⁰⁶ ГАТО. Ф.Р.-236. Оп.2. Л.96. Л.459.

вернули шубу жены, швейную машинку и самовар. Позднее семье Николая Степановича Климова, настоятеля Петропавловского храма, возвратили корову²⁰⁷. После освобождения из тюрьмы, в апреле 1924 г., Беневоленский пытался получить свои серебряные часы. Секретариат губернского суда отказал и не принял жалобу священника, адресованную Верховному суду²⁰⁸.

²⁰⁷ ГАТО. Ф.Р.0236. Оп.2. Д.96. Л.390.

²⁰⁸ ГАТО. Ф.Р.-236. Оп.2. Д.96. Л.555.

5. Антирелигиозная пропаганда

Антирелигиозная пропаганда началась в губернии с установления советской власти. После окончания Гражданской войны критика церкви заметно усилилась. Советская власть постоянно шельмовала служителей культа как монархистов и контрреволюционеров. В январе 1922 г. Е.М. Ярославский приезжал в Томск на пятую губернскую конференцию РКП(б). Кроме того, он выступал с публичной лекцией во «Дворце Труда»²⁰⁹ против религии²¹⁰. Секретарь Сибирского бюро (Сиббюро) ЦК РКП(б) уверял слушателей, что вера в Бога падает. По мнению Емельяна, церковь превратилась в реакционную силу, которая обслуживала имущие классы. Религиозной буржуазии, якобы, противостоит атеистический пролетариат²¹¹. Эта марксистская схоластика не соответствовала реальности и игнорировала морально-этическую роль церкви. Секретарь Сиббюро ЦК осуждал авторитаризм РПЦ и одновременно прославлял более жесткую диктатуру РКП(б). Успех пропагандиста Е.М. Ярославского во многом определялся низким культурным уровнем его слушателей.

Среди коммунистов Томска не было достаточно подготовленных атеистов. Агитаторы губернского и особенно уездного масштаба имели весьма смутное представление о религии, с которой они страстно боролись. Циркуляр ЦК РКП(б) «О постановке антирелигиозной пропаганды» от 4 февраля 1922 г. рекомендовал местным комитетам воздерживаться от диспутов со священниками без основательной предварительной подготовки. Документ подчеркивал первостепенное значение борьбы против РПЦ. Православные люди открыто назывались врагами советского государства. При этом Москва рекомендовала местным функционерам маскировать свои действия, «избегать

²⁰⁹ Бывший магазин Второва.

²¹⁰ Дмитриенко Н.М. День за днем... Указ. Соч. С.186.

²¹¹ Красное знамя. 1922. 28 января.

методов простого, грубого издевательства над попами, не давать повода нашим врагам говорить, что мы преследуем их за веру»²¹².

В мае 1922 г. председатель Томского уездного исполкома Николай Камбалин вдруг вспомнил, как священник села Поломошное сочувствовал «белым», а прихожане сдали в 1922 г. мало церковных ценностей в пользу голодавших. Чиновник призывал строго спросить со священника²¹³. 16 мая 1922 г. губернская газета напомнила читателям о негативной роли церкви в черносотенном погроме в Томске в 1905 году. Служителей культа критиковали за поддержку А.В. Колчака и одобрение решений заграничного церковного собора 1921 года. При этом газетчики избегали конкретных фактов. 8 июля 1921 г. газета «Красное знамя» поместила статью «Горбатого могила исправит». Журналисты горячо приветствовали арест священников: «Они являются нескрываемыми сторонниками старого режима и врагами рабоче-крестьянской власти».

Политика шельмования священников продолжалась и после судебных процессов. 17 ноября 1922 г. Е.М. Ярославский выступал в Томске, в клубе имени Тимирязева, с публичной лекцией на тему «Почему падает вера в Бога»? На следующий день он выступал с аналогичным докладом в гарнизонном клубе и дискуссионном политическом клубе губернского комитета РКП(б)²¹⁴. В конце 1922 г. коммунисты активно готовились к кампании по дискредитации православного Рождества. 4 декабря 1922 г. Томский губернский комитет РКП(б) получил циркуляр Сиббюро ЦК РКП(б) разрешавший «сжигание изображений попов при соблюдении известной предосторожности». Секретарь партийного центра Сибири С.В. Косиор санкционировал также карнавалы ряженных комсомольцев²¹⁵. 18 декабря 1922 г. агитационный отдел губкома РКП(б) создал комиссию для подготовки антирелигиозного мероприятия в составе: заведующего политико-просветительным отделом И.М. Видягина,

²¹² ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.86. Л.16.

²¹³ Красное знамя. 1922. 15 мая.

²¹⁴ Дмитриенко Н.М. День за днем... С.186.

²¹⁵ ЦДНИТО. Ф.1. Оп.1. Д.75. Л.226.

члена губкома комсомола Эпштейна, представителя губернской партшколы Богданова. На следующий день в состав комиссии добавили Э.Б. Абрамсон²¹⁶ и М.Д. Каменского. Члены президиума Томского губкома РКП(б) А.М. Марцинковский, М.Д. Каменский, И.Л. Магун выделили 5 миллиардов рублей губкому комсомола на устройство антирождественской акции²¹⁷.

Газета «Красное знамя» призывала молодежь на рождественский карнавал 1923 года. Дворец труда (бывший пассаж Второва) был назначен местом сбора комсомольцев, рабфаковцев и курсантов губернской партийной школы. В комсомольский сочельник театры и клубы Томска предложили молодежи антирелигиозные спектакли. Городской театр поставил «Великого инквизитора» по Ф.М. Достоевскому, Интимный театр и комсомольский клуб – «Три Иисуса» по М.А. Рейснеру, Рабочий дворец – «Тихую обитель» по Гусеву-Оренбургскому. Газета печатала стихи В. Маяковского против церкви.

На Рождество 1923 г. молодые ленинцы Томска устроили шествие от Рабочего дворца до Площади Революции. Во главе колонны шли комсомольцы, переодетые в священников. За ними следовали псевдоверующие с хоругвями. Позади тянулся обоз с требами, то есть со всем тем, что подносят священникам за совершение религиозных обрядов. Одни прохожие называли комсомольскую процессию мальчишеской забавой, а другие – проделками евреев. В карнавальной шествии приняли участие курсанты-комсомольцы партийной школы. Спонсорами антирождественской кампании выступали: редакция газеты «Красное знамя», губернский исполком Совета, губернский отдел коммунального хозяйства, губернский продовольственный комитет. Государственная типография №2 предоставила необходимое количество

²¹⁶ Абрамсон Эмма Борисовна (1889–1938) в 1905-1906 гг. состояла в Бунде, затем – в Еврейской социалистической рабочей партии. В 1918 г. уехала в Россию, спасалась от преследований гетманской власти на Украине. С 1919 г. состояла в РКП(б), с октября 1921 г. занимала должность инструктора в отделе народного образования Анжеро-Судженского района, в августе 1922 г. поступила в Томский губернский комитет РКП(б) на должность заместителя заведующего агитпропом, в 1924 г. входила в президиум губкома РКП(б). В последние годы жизни занимала должность зав. школьным отделом Хакасского окружного комитета ВКП(б). Расстреляна в Красноярске.

²¹⁷ Там же. Л. 221.

плакатов²¹⁸. Акция комсомольцев завершилась поджогом макета Кафедрального собора. Через 8 лет коммунисты взорвут храм. В библиотеках были устроены выставки антирелигиозной литературы. На второй день Рождества в пяти театрах и во всех клубах прошли антирелигиозные спектакли.

В Ленино (Кольчугино) в канун Рождества агитотдел райкома РКП(б) инсценировал судебный процесс над религией. Аудитория была переполнена подростками. После вынесения приговора чучело, изображавшее священника, сняли со скамьи подсудимых и сожгли на улице под пение хора комсомольцев. После этого началось шествие молодежи с красными знаменами и факелами. Комсомольцы пели революционные и антирелигиозные частушки. В первый день Рождества коммунисты и комсомольцы провели митинг. Выступавшие разъясняли собравшимся: «Христос – личность неизвестная». Действо закончилось концертом.

7 января 1923 г. газета «Красное знамя» опубликовала комсомольскую песню:

В церковном управлении
Испуг и иступление,
На церковь наступление.

Припев: Богомерзкое.

Задумали мальчишки,
Кресты сменив на книжки,
Ни дна им, ни покрышки.

Припев: Дело мерзкое.

В рождественские святки
Им пироги не сладки
Гулять вишь – больно падки.

Припев: Голоштанное.

И вынесли решенье
Взамен богослуженья

²¹⁸ Красное знамя. 1923. 10 января.

Богов свергать сожженье.

Припев: Окаянные.

Все церкви опустели

Попы опали в теле,

Потели и кряхтели.

Припев: Бесталантные.

В Кемерово на Рождество для коммунистов и комсомольцев устроили концерт. Сначала заслушали доклад о мифе Рождества, а затем исполнение песен и частушек антирелигиозного содержания. На 22 января 1923 г. райком наметил религиозный диспут, который пришлось заменить лекцией по причине отсутствия опытных атеистов. В отчете Мариинского уездного комитета РКП(б) сообщалось: «Рождество проводили по старым традициям и многие из рабочих в данные праздники не минули напиться по старинке и в пьяном угаре несомненно ругали и советскую власть и компартию, ибо в них говорило вино»²¹⁹. Партийный секретарь явно преувеличил значение вина в настроении людей. Весной 1923 г. коммунисты организовали новую кампанию против церкви. В отчете губернского комитета РКП(б) сообщалось, что комсомольская пасха 1923 г. «прошла под ближайшем руководством и при прямом участии партийных организаций»²²⁰.

Оскорбительные выпады комсомольцев против веры вызвали недовольство красноармейцев военной части Мариинска. 30 июня 1923 г. начальник губернского отдела ГПУ М.А. Филатов²²¹ выступал на собрании коммунистов первого района Томска. Он пояснил, что с первых дней революции церковь стала контрреволюционной. ВЧК относилась к духовенству осторожно, не желая создавать им ореол мучеников. Однако затем церковь

²¹⁹ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.546. Л.48.

²²⁰ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.1392. Л.24.

²²¹ Филатов М.А. 1891 г. р. Окончил учительскую семинарию в Нижегородской губернии. В царской армии был прапорщиком. В 1918 г. в Красной армии вступил в РКП(б), занимал пост начальника особого отдела. С февраля 1923 по сентябрь 1925 гг. возглавлял губернное ГПУ.

стала угрожать власти, поэтому последовали репрессии. М.А. Филатов признал, что голод в Поволжье существенно помог в проведении репрессивной кампании против РПЦ²²². Таким образом, местные товарищи хорошо знали ленинскую тактику борьбы с церковью.

В ответ на репрессивную политику священники стали отказываться от диспутов с коммунистическими пропагандистами. С июля и до середины августа 1923 г. на станции Боготол планировалось провести 5 антирелигиозных диспутов. Несмотря на настойчивые приглашения, священники не приходили. 25 августа 1923 г. циркуляр агитационного отдела губернского комитета РКП(б) предупреждал уездные структуры, что священники Томского уезда получили директиву: не полемизировать против партийного агитатора, еврея по национальности. Автор циркуляра признавал: «Наши враги ловко учли этот психологический момент»²²³.

Советская власть окружила верующих сплошными запретами. Тем не менее, иногда коммунисты уступали религиозным традициям. 30 августа 1923 г. Сибирское бюро ЦК РКП(б) разрешило совершать религиозные обряды в больницах над тяжелобольными, по их просьбе, но только в исключительных случаях.

В октябре 1923 г. в Мариинском уезде секретарь волостного парткома Соколов и его жена производили конфискацию имущества Верхне-Чебулинской церкви. При этом они оскорбляли верующих. Член волостного исполкома Совета Комаров передал церковное облачение в драматический кружок комсомольцев. В селе Чумае коммунисты прострелили шапку убежавшему псаломщику. Эти же товарищи распивали самогон на свадьбах, разъезжали на санях с винтовками и иконами на коленях.

В октябре 1923 г. секретарь Семилуженского волостного партийного комитета предложил ячейке села Турунтаево вынести иконы из изб. В итоге 26 октября 1923 г. 27 икон были уничтожены. Партийный функционер писал в

²²² ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.542. Л.320.

²²³ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.502. Л.2-3.

своем отчете: «Некоторые коммунисты протестовали не потому, что были религиозны, а потому, что у них есть дочери. Если будут убраны иконы, никто не возьмет девку замуж»²²⁴. В своих отчетах партийные функционеры пытались понизить уровень религиозности населения.

В конце 1923 г. ЦК РКП(б) сдерживал активность местных организаций по закрытию храмов. В свою очередь секретарь Томского уездного комитета РКП(б) разъяснял своим подчиненным, что нельзя так просто передать церковное здание под клуб, устраивать антирелигиозные шествия, особенно в деревне. Местный функционер неоднократно повторял лозунг Л. Троцкого «Кинематограф вместо церкви».

Правительство последовательно проводило курс на дискредитацию главных праздников РПЦ. Еще в феврале 1923 г. была создана специальная Центральная комиссия по проведению «Комсомольской пасхи» при Политпросвете ЦК РКСМ²²⁵. После рождественской кампании коммунисты готовились к пасхальной. Антипасхальная кампания комсомольцев пыталась учесть недостатки противорождественской акции. Реагируя на недовольство населения, губком РКП(б) начал сдерживать активных комсомольцев и запретил карнавальные шествия в селах. Однако запрет не распространялся на города. Тем не менее, в Томске карнавальных демонстраций не было. Антирелигиозные акции были перенесены с улицы в клубы и театры. В томских клубах накануне Пасхи прошли антирелигиозные инсценировки, спектакли с докладами. Во всех школах агитаторы провели собеседования антирелигиозного содержания.

Мариинский уездный комитет комсомола призывал: «Юные крестьяне и крестьянки. Сильны еще попы в деревне. Мы, молодежь города, у себя справились с ними, свернули им толстую шею. Следуйте нашему примеру. Как один на борьбу против богов и попов. Первый штурм сделан в Рождество. Противник с передовых линий «окопов» выбит. Комсомольская пасха должна

²²⁴ ЦДНИ ТО. Ф.4. Оп.1. Д.27. Л.26.

²²⁵ Шкаровский М.В. Русская церковь в XX веке. С.100.

еще более, интенсивнее штурмовать попов и религию и выбивать их с последних укреплений»²²⁶. Коммунисты и комсомольцы продолжали Гражданскую войну. Райком РКП(б) города Тайга провел диспут на тему «Религия и наука». Самая большая школа не вместила всех желавших. Начавшийся диспут коммунисты перевели в здание вокзала. С докладом выступал секретарь райкома Иван Иванович Воскресенский. Ему оппонировали православный и баптист.

Атеистическая пропаганда в деревне не оставляла заметных следов. Весной 1924 г. в отчете Томского уездного комитета РКП(б) сообщалось о Семилужинском уезде: «Молодежь продолжает находиться целиком под влиянием окружающей среды. Все традиции и обряды выполняются не с меньшим усердием, чем в дореволюционное время. Влияние попов в деревне еще огромно. Все обрядности: рождение, смерть, браки непременно совершаются в церкви. У ВИКа нет регистрации новорожденных. Регистрируют на отдельных листочках. Приезжает свадебный поезд зарегистрироваться, а им отказывают. Вот они и едут к попу. Население обманывает попов; в церковную кружку бросают колчаковские деньги и керенки. В ржаную муку попам подмешивают овсянку. Деревня считает Ильича царем и очень трудно доказать обратное»²²⁷.

На Пасху 1924 г. Томские комсомольцы били стекла в окнах Старого собора, а во время крестного хода, пели на ухарский мотив «Христос воскрес» и отбивали чечетку. В ограде Воскресенской церкви комсомольцы натягивали колючую проволоку, ломали крестики на куличах и безнаказанно совершали прочие бесчинства²²⁸. Во время церковной службы в Кафедральном соборе молодые ленинцы украли из под ног епископа расшитый орлец. На Соборной площади комсомольцы схватили священника и подбросили²²⁹. Сотрудники ГПУ наблюдали за бесчинствами монопольной молодежной организации, но не

²²⁶ Комсомольская пасха (Мариинск). 1923. 9 апреля.

²²⁷ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1243. Л. 179-182.

²²⁸ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 100. Л. 156.

²²⁹ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 129. Л. 11.

вмешивались. Возмущенные верующие обвинили в бездействии председателя губернского исполнительного комитета В.С. Корнева и губернского прокурора Б.М. Гуровича. 12 мая 1924 г. заместитель начальника ГПУ Ф.А. Степняк подал записку секретарю губкома РКП(б) В.С. Калашникову о бесчинствах комсомольцев на Пасху. Губком РКП(б) дважды обсуждал случившееся, но никого не наказал. Было принято решение послать в райкомы директиву о недопустимости подобных действий²³⁰. В деревне Банновой Щегловского уезда 21 июля, во время крестного хода с иконами по деревне комсомольцы шли впереди священника с гармошкой и плясали. Отцы поколотили своих нерадивых сыновей²³¹.

Комсомольцы Томска продолжали свои бесчинства. 13 августа 1924 г. толпа молодых ленинцев, около 500 человек, явилась на городское кладбище и переломала кресты на могилах. Милиция, которая при этом присутствовала, не препятствовала варварам²³². В октябре 1924 г. секретарь Щегловского уездного комитета подверг критике крайности в антирелигиозной пропаганде: «Тут и угрозы попам, устройство диспутов без подготовки, стремление путем административных мер погасить религию. А одна из ячеек додумалась вызвать с докладом попа, и, заслушав попа, признала его работу неудовлетворительной»²³³.

В начале 1925 г. уездные партийные секретари отчитывались перед губернским комитетом о достижениях в борьбе с религией. Секретарь Мариинского укома Е.М. Глушков сообщал: «В Мариинске антирелигиозная пропаганда прошла ничего: провели митинг, сожгли церковь, но жаль, что этого не было в Боготоле»²³⁴. Е.М. Глушков имел в виду макет церкви. В декабре 1925 г. первый райком Томска организовал диспут на тему «Бог при свете науки». Официальный лектор-пропагандист Архангельский говорил неубедительно. Содокладчиком от РПЦ выступал архиепископ Беликов,

²³⁰ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп. 1. Д. 129. Л. 29.

²³¹ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.574. Л.98.

²³² ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 100. Л. 241.

²³³ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1137. Л. 3.

²³⁴ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп. 1. Д. 100. Л.7.

сумевший заинтересовать аудиторию. Против религии высказались профессора В.И. Шумилов²³⁵, М.С. Тарасенко, а также заведующий губернским отделом народного образования Л.И. Карнаушевский. Редозубов и Русаков показали свою слабость в открытой дискуссии. Первый был студентом университета и преподавателем рабфака, а второй – лектором партийной школы. В защиту церкви выступали православные христиане: Бердников, Сидоров и Морозов. Свои конфессии защищали баптист Глушко и адвентистка Барнашова. Коммунисты считали этих людей временными попутчиками в борьбе против РПЦ. Около половины участников митинга были настроены религиозно. Антирелигиозная пропаганда велась коммунистами постоянно с целью оправдания репрессий против церкви.

²³⁵ Василий Иванович вырос в семье священника. В Томске он активно сотрудничал с коммунистами, за что был принят в РКП(б). Через несколько месяцев после этого он уехал в Москву.

6. Движение обновленцев

Партийные и государственные структуры инициировали раскол РПЦ с целью её ослабления. Раскольники называли себя обновленцами, сторонниками так называемой «живой церкви». Их программа предусматривала: «Пересмотр церковной этики и разработка учения о христианской общественной жизни, применительно к социальным задачам, выдвигаемым переживаемым временем»²³⁶. Не без помощи силовых структур обновленческое движение распространялось из центра по регионам. После ареста епископа Виктора церковная власть в Томске была захвачена группой обновленцев²³⁷. Уже в апреле 1922 г. у обновленцев появилась своя печать «Томское временное церковное управление». К 7 июня 1922 г. число исходящих бумаг новой церковной структуры достигло 1 720²³⁸. В начале мая 1922 г. в Преображенском соборе Томска открыто заявили о себе сторонники обновленческой церкви Петр Блинов и М. Торопов. Коммунисты поддержали церковных реформаторов. В мае 1922 г. губернская газета предоставила протоиерею П. Блинову возможность публично изложить свои взгляды. Петр Федорович проповедовал рай на земле и уверял христиан, что религиозные убеждения не мешают трудящимся защищать свои материальные интересы. Он признавал право прихожан вести церковные службы в храме вместо священников и не учить детей церковным догматам²³⁹. Петр Блинов заимствовал некоторые идеи европейской Реформации XVI века.

31 мая 1922 г. П. Блинова пригласили на закрытое заседание президиума Томского губернского комитета РКП(б) для координации дальнейших действий. Петр Федорович высказал удовлетворение арестом епископа Виктора и его сторонников. П.Ф. Блинов просил губернский комитет РКП(б) поддержать церковных реформаторов. Коммунисты разрешили П. Блинову

²³⁶ Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. – Казань, 1970. С.92.

²³⁷ Исаков С.А., Дмитриенко Н.М. Томские архиереи. С.62.

²³⁸ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.335. Л.402.

²³⁹ Красное знамя. 1922. 12 мая.

провести в июне 1922 г. собрание своих сторонников в Никольской церкви, но без каких-либо торжеств и богослужений вне церкви²⁴⁰. Прихожанам Никольской церкви, отказавшимся от участия в собрании, грозили штрафом в 1 млн. рублей²⁴¹. 24 мая 1922 г. отдел управления губисполкома разрешил церковно-приходскому совету Петропавловской церкви при спичечной фабрике «Заря» провести собрание общины. Отдел управления явно содействовал обновленцам, назначив распорядителем действия Авдиентова. Однако обновленцы не смогли утвердиться в этом приходе.

Действия П.Ф. Блинова умело курировал губернский прокурор И.Г. Макаренко и местный отдел ГПУ. В начале июня 1922 г. Г.И. Макаренко выступил с двухчасовым докладом в Никольском храме Томска. Он давал указания священникам и пастве: «Очистите церковь от монархической идеологии и капиталистической скверны, изгоните из своих рядов агентов капитала, станьте на прямой и честный путь аполитичности»²⁴². Собрание присоединилось к платформе так называемого прогрессивного духовенства Москвы. 2 июня 1922 г. П.Ф. Блинов объявил о создании «живой церкви». Обновленцы учредили временное церковное управление²⁴³.

27 июня 1922 г. местные обновленцы Авдиентов, Торопов и другие заявили о своей аполитичности, признании советской власти и о желании совместной работы с местной администрацией²⁴⁴. В своей пропаганде обновленцы договорились до создания независимой церкви, как от личности правителя, так и от государства²⁴⁵. Эти суждения вызвали недовольство коммунистов, не желавших видеть самостоятельную церковь и активных граждан-христиан.

В состав Временного церковного управления по Томской епархии избрали священников П. Блинова, Е. Удинцева, Авдиентова, а также мирян

²⁴⁰ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.70. Л.23.

²⁴¹ ГАТО. Ф.Р.- 173. Оп.1. Д.335. Л.400-401.

²⁴² Красное знамя. 1922. 6 июня.

²⁴³ Исаков С.А., Дмитриенко Н.М. Томские архирей. Указ соч. С.67.

²⁴⁴ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп. 1. Д. 113. Л. 131.

²⁴⁵ Красное знамя. 1922. 30 июня.

А.А. Таловского, Г.И. Солодина. 10 июля 1922 г. президиум губкома РКП(б) разрешил фракции губисполкома провозгласить местных обновленцев региональной структурой под названием «Временное сибирское управление по делам церкви». При этом губернский комитет РКП(б) выразил опасение по поводу возможной группировки вокруг обновленцев сторонников областничества²⁴⁶. В этот же день губернская газета напечатала очередное обращение П. Блинова. Обновленцы отменили все назначения прежнего епархиального управления. Верного патриарху Тихону иеромонаха Геронтия, вернувшегося из Москвы, отстранили от службы и заменили Артоболевским²⁴⁷.

В июле 1922 г., в Москве собрался съезд представителей «Живой церкви», лишивший патриарха Тихона священного сана и запретивший упоминание его имени. Ранее обновленцы уволили Агафангела, ближайшего помощника патриарха. На съезде «Живой церкви» присутствовали томичи: П.Ф. Беликов и А.П. Таловский²⁴⁸. Вопреки фактам они утверждали, что обновленчество в Томске организовалось еще в 1921 году. П.Ф. Блинов резко критиковал патриарха Тихона и его томского ставленика Виктора. Петр Федорович признал, что присоединился к «Живой церкви» только после ее первых успехов в столице²⁴⁹. Томские коммунисты помогали обновленцам в борьбе против тихоновцев. Губернская газета опубликовала обращение к верующим П.Ф. Блинова, А.П. Таловского и Авдеентова: «Никакого переворота в церкви не произошло. Произошло лишь самоустранение патриарха Тихона». Это заявление выдавало желаемое за действительное. Сторонники Тихона однозначно оценивались коммунистами как монархисты и белогвардейцы.

2 октября 1922 г. в Томске состоялся съезд «живой церкви» или сторонников обновления православия. Обновленцы избрали Сибирское церковное управление во главе со священником Петром Блиновым. 8 октября 1922 г. Блинова возвели в сан епископа²⁵⁰. Обновленцы смогли усилить свое

²⁴⁶ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп. 1. Д. 70. Л. 24.

²⁴⁷ Красное знамя. 1922. 10 июня.

²⁴⁸ Известия ВЦИК. 1922. 22 июля.

²⁴⁹ Известия ВЦИК. 1922. 22 июля.

²⁵⁰ Дмитриенко Н.М. День за днем... С.190.

влияние лишь после ареста епископа Виктора и его сторонников. Приверженцы патриарха Тихона называли Петра Блинова Иудой²⁵¹.

Таким образом, протоиерей Блинов был провозглашен сначала епископом, а затем – «митрополитом Томским и всея Сибири». Утверждение историка И.Д. Эйнгорна о поддержке томских обновленцев священниками Барнаула, Красноярска и Иркутска²⁵² выглядит сомнительно. 5 ноября 1922 г., к пятилетию коммунистической революции 1917 г., мужской монастырь Томска был закрыт и опечатан. Обновленцы пытались завладеть монастырем. 25 ноября 1922 г. совет общины монастыря просил председателя губисполкома Ф.А. Крылова отказать П.Ф. Блинову в его претензиях на храм²⁵³.

Пропаганда обновленческой церкви во многом строилась на дискредитации патриаршей. 12 октября 1922 г. газета «Красное знамя» сообщала, что церковь давала благословление на пытки коммунистов, «кропила святой водой веревки для виселиц». Старое духовенство однозначно оценивалось как монархическое и белогвардейское. Напротив, «Живая церковь» еще 15 июля 1922 г. отслужила молебен за здоровье В.И. Ленина. Тем не менее, советская власть не доверяла обновленцам. Центральная пресса отмечала стремление новой церкви примазаться к власти, завладеть монастырскими землями, вернуть себе храмы. Коммунисты поддерживали обновленцев, но оставались принципиальными противниками всех церковных организаций. Газета «Известия» называла «Живую церковь» «церковно-нэповским трестом». Л.Д. Троцкий считал обновленцев сменовеховским направлением, запоздалой попыткой буржуазной реформации церкви. Он прямо заявил: «Пролетарской церкви не может быть»²⁵⁴. 3 февраля 1923 г. обновленцы просили Последгол передать им бесплатно часть изъятой церковной утвари либо продать по самым дешевым ценам²⁵⁵.

²⁵¹ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп. 1. Д. 87. Л. 415, 423.

²⁵² Эйнгорн И.Д. Указ. соч.

²⁵³ ГАТО. Ф.Р-173. Оп. 1. Д. 493. Л. 23.

²⁵⁴ Шкаровский М.В. Русская Православная церковь в XX веке. – М.: Вече, Лепта, 2010. С.102.

²⁵⁵ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.442. Л.230.

12 марта 1923 г. завершил свою работу епархиальный съезд представителей обновленцев Томской губернии. Архиепископ Сергей, протопоп Александр Смиренский, протоиерей Е. Удинцев выразили глубокую благодарность губернскому исполкому Совета и осудили «неискреннюю политику черного епископата, возглавлявшегося патриархом Тихоном и руководившегося тайными вожделениями на возвращение в России старого государственного порядка, а поэтому и державшего церковное общество под режимом так называемого папоцезаризма»²⁵⁶. Обновленцы направили благодарственное письмо председателю губернского исполкома В.С. Корневу. Последний переадресовал документ секретарю губернского комитета РКП(б) А.В. Строганову и заведующему агитационно-пропагандистским отделом М.А. Вольфовичу²⁵⁷ с припиской: «Полагал бы, использовать как агитационный материал»²⁵⁸.

В это же время православные священники, противники «Живой церкви», собрались в селе Ново-Рождественском Томского уезда. Они отказались от подписки на журналы обновленцев. Коммунисты оценили это собрание как контрреволюционное²⁵⁹. Церковный раскол использовался коммунистами для дискредитации РПЦ. В отчете Ленинского райкома за январь – март 1925 г. сообщалось: «Борьба религиозных течений характеризуется окончательным распадом «Живой церкви». Есть стремление объединиться под общим флагом «тихоновской церкви». Этой работой руководит поп Платонов Карачумышской церкви»²⁶⁰. Свои действия обновленцы называли церковной революцией, проводя перевыборы благочинных советов, смещая сторонников патриарха Тихона. В сентябре 1922 г. к обновленцам примкнул Новониколаевский

²⁵⁶ Из истории земли томской. 1921-1924. С. 139.

²⁵⁷ Вольфович Моисей Абрамович (1888-1938) член РСДРП с 1904 г., прошел тюрьму и ссылку, образование среднее. Шесть лет отслужил рядовым в царской армии. В Красной армии занимал должность начальника политотдела дивизии. В 1921 г. работал в Иркутском губкоме РКП(б). Делегат XI съезда РКП(б) от Сибирской организации. С марта 1923 г. и до конца 1925 г. заведовал агитационно-пропагандистским отделом Томского губкома. В декабре 1925 г. включен в пропагандистскую группу ЦК ВКП(б). Расстрелян в Казани.

²⁵⁸ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1328. Л. 24.

²⁵⁹ ЦДНИ ТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 222. Л. 15.

²⁶⁰ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.619. Л.47.

епископ Софроний (Арефьев). В ноябре 1922 г. Томской епархией управлял обновленец Сергей (Дмитриевский)²⁶¹.

В конце 1924 г. популярность обновленца П.Ф. Блинова среди верующих Томска оставалась высокой. Он служил в пяти церквях и привлекал на свои проповеди массу людей. С августа 1924 г. руководство Кафедрального собора вело переговоры о приглашении популярного обновленца на постоянную службу в главный храм города. При этом за П.Ф. Блиновым сохраняли право служить в других церквях²⁶².

В августе 1924 г. священники Кафедрального собора разделились на две группы. Первая тяготела к архиепископу Дмитрию (Беликову), а вторая – к обновленцу Сергию (Дмитриевскому). В результате обсуждения большинство пришло к выводу о необходимости объявления Кафедрального собора автокефальным, то есть канонически независимым от тихоновца Беликова и обновленца Дмитриевского. Предлагалось исключить из практики богослужения восхваление Синода и архиепископа Сергия²⁶³.

К сентябрю 1924 г. администрация Томского губисполкома убедилась, что обновленцы не стали влиятельной силой, а тихоновцы не исчезли. Поэтому советские чиновники вернулись к прежней политике давления на обе группировки. В сентябре 1924 г. местная власть вспомнила, что епископат тихоновцев и совет обновленцев не зарегистрировались в губернском административном отделе. В ноябре 1924 г. священник Кафедрального собора Стефан Нестеровский перечислил в своем отчете серебряные вещи, незаконно увезенные П.Ф. Блиновым в Новониколаевск²⁶⁴. Руководство Кафедрального собора потребовало от Блинова и Сергея Дмитриевского возврата взятого ранее ценного имущества²⁶⁵. В июле 1925 г. томским обновленцам выдали часть

²⁶¹ Безруких О. Указ. Соч. С.14-15.

²⁶² ГАТО. Ф.Р.-430. Оп.1. Д.3. Л.45.

²⁶³ ГАТО. Ф.Р.-430. Оп.1. Д.3. Л. 38.

²⁶⁴ ГАТО. Ф.Р.-430. Оп.1. Д.3. Л. 213.

²⁶⁵ ГАТО. Ф.Р.-430. Оп.1. Д.3. Л.40.

менее ценного церковного имущества, конфискованного комиссией в 1922 году²⁶⁶.

В июне 1924 г. в Ижморском районе Мариинского уезда крестьяне не доверяли обновленцам, подозревая их в большевизме²⁶⁷. В Томском районе священник-обновленец села Зоркальцево перешел в лагерь тихоновцев²⁶⁸. В сентябре 1924 г. священник Вознесенской кладбищенской церкви обновленец Хлыбов Василий Федорович жаловался на безместного служителя культа тихоновца Матвея Попова. Последний дежурил на кладбище и навязывал людям свои услуги по отпеванию покойников вне храма. В заявлении на обидчика Хлыбов прямо указал, что отпевание усопших – это монополия обновленцев Вознесенской церкви²⁶⁹. В октябре – ноябре 1924 г. в Мариинске обновленцы записывали в свои списки всех пришедших в собор. Однако большинство из ста присутствовавших оказались тихоновцами и выгнали обновленцев²⁷⁰.

В ноябре 1924 г., по данным ГПУ, из 205 православных приходов губернии 160 принадлежали обновленцам, а 44 – тихоновцам, которые именовали себя староцерковниками²⁷¹. Следует учитывать, что советские чиновники симпатизировали обновленцам и преувеличивали их вклад в разрушение старой церкви. Соотношение сил обновленцев и тихоновцев менялось. К концу 1924 г. тихоновцы завоевали авторитет среди верующих Кузнецкого уезда. К апрелю 1925 г. тихоновцы вытеснили обновленцев из половины церковных приходов Кольчугинского округа²⁷². В конце января 1925 г. административный отдел Томского губернского исполкома сообщил ГПУ о расхищении государственного имущества в Кафедральном соборе. В качестве подозреваемых указывались П.Ф. Блинов и архиепископ Сергей

²⁶⁶ ГАТО. Ф.Р.-173. Оп.1. Д.591. Л.3.

²⁶⁷ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.665. Л.49.

²⁶⁸ ЦДНИ ТО. Ф.4. Оп.1. Д.280. Л.28.

²⁶⁹ ГАТО. Ф.Р.-430. Оп.1. Д.58. Л. 29.

²⁷⁰ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.603. Л.297.

²⁷¹ ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.5. Д.87. Л. 8-11.

²⁷² ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.613. Л.7, 34.

Дмитриевский²⁷³. В ноябре 1925 г. выяснилось, что обновленцы Вознесенской церкви Томска передали в Новониколаевск несколько культовых предметов²⁷⁴. Таким образом, губернская власть отказалась от поддержки обновленцев.

Обновленцы пытались издавать в Томске свою газету «Сибирская церковь». Новое издание благодарило советскую власть за отделение церкви от государства и за предоставление верующим свободы действий. Газета сообщала, что архиереи и священники не имели права противодействовать изъятию церковных ценностей. Лозунги обновленцев отличались неопределенностью: «Стойте бодро / Восставшие / Мудрость революции впитавшие»²⁷⁵.

В конце 1925 г. краевая прокуратура Томского округа с удовлетворением отмечала продолжавшуюся борьбу тихоновцев, обновленцев и автокефальных. В Кафедральном соборе подрались тихоновцы и автокефальные группы. В Мариинском соборе столкнулись тихоновцы и обновленцы. Тихоновцы пользовались поддержкой большинства верующих. Однако Мариинский РИК Совета передал храм в аренду группе обновленцев. Недовольство населения вынудило окружком вернуть храм прежним владельцам²⁷⁶. По оценке Мариинского райкома РКП(б), в конце 1925 г. обновленцы уступали тихоновцам. Последние рассылали своих агитаторов по деревням и называли обновленцев агентами ГПУ. Весной 1925 г. большинство верующих села Вагино Мариинского уезда поддерживали священника-обновленца, читавшего проповеди в здании церкви. Около 40 сторонников патриарха Тихона пригласили двух священников из Боготола, поставили на кладбище холщевую палатку и там справляли церковные службы.

²⁷³ ГАТО. Ф.О.-430. Оп.1. Д.3. Л.123.

²⁷⁴ ГАТО.Ф.Р.- 430. Оп.1. Д.58. Л.32.

²⁷⁵ Сибирская церковь. 1922. №2. 10 октября.

²⁷⁶ ГАТО. Ф.Р.-430. Оп.1. Д.574. Л.139-141.

Заключение

Репрессии коммунистов против церкви объяснимы последствиями Гражданской войны и несовместимостью коммунистической идеологии с религией. Советское государство грубо вмешивалось в дела церкви с целью ее разрушения. Все антицерковные кампании на территории губернии были инициированы центром, прежде всего против РПЦ. Служители культа понимали, что программа советской власти ориентирована на уничтожение религии. Губернский комитет РКП(б), состоявший в основном из приезжих, руководил репрессивными акциями через исполком Совета, ВЧК-ОГПУ. Руководители антицерковной кампании были откомандированы в центр на повышение. Конфискация храмовых ценностей в губернии не вызвала такого возмущения, как в центре страны. Служители культа и верующие ограничились пассивным сопротивлением, тем не менее, их судили как контрреволюционеров. Оба судебных процесса были актами мести в отношении прошлой политической позиции священников. Коммунистическая агитация против церкви не стеснялась в средствах, широко использовала ложь, грубость и призывы к насилию. В 1923 г. основные усилия губернского комитета РКП(б) были направлены на дискредитацию важнейших праздников РПЦ. Атеистическая пропаганда адресовалась, прежде всего, молодежи и строилась на основе пародийных религиозных церемоний. Оскорбление чувств верующих стало нормой для партийных и комсомольских организаций. Непосредственными исполнителями «грязной» работы выступали комсомольцы, финансируемые старшими товарищами. Гонения против РПЦ способствовали появлению на территории губернии новых религиозных групп христианского и иных направлений. В декабре 1923 г. секретарь губкома РКП(б) В.С. Калашников предупреждал все уездные комитеты о новой идеологической опасности. Репрессивная политика коммунистов против церкви продолжалась и в последующий период.